

Л. Н. Толстой, какъ художникъ.

ГЛАВА I.

Романъ „Анна Каренина“. Великосвѣтская психологическая форма. Графъ Вронскій какъ типъ.

I.

Для изслѣдователя художественнаго творчества Толстого изученіе романа „Анна Каренина“ представляетъ большой интересъ: этимъ капитальнымъ произведеніемъ завершилась цѣлая эпоха въ художественной дѣятельности Толстого, и если нельзя сказать, что имъ же открылась и новая эпоха, то, безспорно, въ романѣ „Анна Каренина“ уже намѣчены *симптомы* новаго пути творчества, на который выступалъ геній Толстого.

Какъ изображеніе аристократической среды и великосвѣтскихъ типовъ, романъ былъ порожденіемъ и вмѣстѣ „последнимъ сказаніемъ“ того же направленія, которое раньше выразилось въ созданіи великосвѣтскихъ фигуръ раннихъ повѣстей и „Войны и Мира“. Внутренняя потребность художника дать исчерпывающее воспроизведеніе большого свѣта съ его характерной психологіей, во всемъ разнообразіи его типовъ, во всѣхъ существенныхъ чертахъ его быта, повидимому, не была вполне удовлетворена тѣмъ, что до сихъ поръ (до конца 60-хъ годовъ) онъ создалъ въ этомъ направленіи; у него, очевидно, оставался еще большой запасъ наблюдений, который долженъ былъ найти себѣ художественное выраженіе, прежде чѣмъ вопросъ могъ быть признанъ художественно-рѣшеннымъ. Онъ и былъ рѣшенъ въ первой половинѣ 70-хъ годовъ—романомъ „Анна Каренина“.

Дѣло шло тутъ не о томъ только, чтобы изобразить рядъ новыхъ типовъ изъ того же круга, чтобы изслѣдовать бытъ, нравы, психологію великосвѣтскаго общества въ эпоху послѣ освобожденія крестьянъ и дать подробную картину жизни этого общества—въ дополненіе къ той, которая дана въ „Войнѣ и Мирѣ“. Вопросъ

и задача, въ смыслѣ внутренней потребности художника, интимныхъ стимуловъ его творчества, были гораздо значительнѣе, глубже и—*субъективнѣе*. Вспомнимъ, что въ отношеніи къ великосвѣтской средѣ Толстой (приблизительно до 80-хъ годовъ) не былъ постояннымъ наблюдателемъ: онъ принадлежалъ къ ней по рожденію и воспитанію; онъ ее изучалъ не столько какъ наблюдатель, сколько какъ *самонаблюдатель*, и, начиная съ повѣстей „Дѣтство“, „Отрочество“ и „Юность“, его изображенія этой среды были какъ бы родъ исповѣди, попыткой вытравить изъ своей души извѣстныя черты великосвѣтской психологіи, отдѣлаться отъ нихъ помощью ихъ претворенія въ художественные образы, на подобіе того, какъ Лермонтовъ отъ своего „демона“ отдѣлался—стихами. Послѣ созданія „Войны и Мира“ Толстой еще чувствовалъ или сознавалъ, что еще не вполнѣ „отдѣлался“ отъ „великосвѣтскаго человѣка“. Эта задача и была довершена—романомъ „Анна Каренина“. Вотъ въ какомъ смыслѣ это произведеніе примыкаетъ ко всей предшествующей дѣятельности Толстого и завершаетъ цѣлую эпоху въ ней.

Съ этой же точки зрѣнія мы поймемъ и необходимость Левина, его значеніе, его роль—какъ образа, который въ одно и то же время завершилъ предшествующую эпоху творчества и является первымъ указаніемъ на новый путь. Если воспроизведеніе великосвѣтской среды въ „Аннѣ Карениной“ является заключеніемъ или итогомъ послѣдовательнаго ряда картинъ, ее воспроизводящихъ въ раннихъ повѣстяхъ и въ „Войнѣ и Мирѣ“, то фигура Левина такъ же точно завершаетъ или суммируетъ рядъ аналогичныхъ фигуръ въ повѣстяхъ (герой-разсказчикъ „Дѣтства“, „Отрочества“ и „Юности“, князь Нехлюдовъ въ „Юности“ и „Утрѣ помѣщика“, Оленинъ въ „Казакахъ“). Эти образы, какъ извѣстно, автобіографичны и построены на данныхъ личнаго, въ тѣсномъ смыслѣ *субъективнаго* опыта Толстого. Левинъ блистательно заканчиваетъ эту художественную автобіографію, эту исторію внутренняго развитія Толстого, исторію его стремленій выйти изъ тисковъ великосвѣтской психики и создать себѣ независимую отъ нея душевную жизнь на основахъ широкихъ общечеловѣческихъ идеаловъ.

Изъ сказаннаго вытекаетъ для насъ необходимость разсмотрѣть романъ „Анна Каренина“ со стороны его значенія для самого автора,—уяснить внутреннюю задачу, которую онъ рѣшилъ *для себя* этимъ произведеніемъ, а затѣмъ—оцѣнить и самое рѣшеніе и показать, какъ Толстой, переступивъ черезъ этотъ порогъ, вышелъ на новый путь творчества.

Но прежде чѣмъ приступить къ анализу романа съ указанной

точки зрѣнія, мы сдѣлаемъ попытку взглянуть на него *со стороны*, т. е. съ точки зрѣнія читателя, публики, и уяснить себѣ, что даетъ онъ *намъ*, еще не посвященнымъ во внутренній міръ творчества, его создавшаго.

Съ этой послѣдней точки зрѣнія, фигура Левина отодвигается на второй планъ и даже, быть можетъ, теряетъ нѣкоторую долю своего художественнаго интереса, — на первый же планъ выступаютъ: 1) картина быта и психологія великосвѣтскаго общества, его типы и 2) психологія романа Вронскаго и Карениной съ моральными выводами оттуда. Мы убѣдимся въ свое время, что разборъ романа съ этой—объективной—стороны пролагаетъ дорогу къ правильному рѣшенію первой задачи, т. е. вопроса о томъ, какое значеніе и какой смыслъ имѣло это произведеніе для самого автора.

Обращаясь къ разсмотрѣнію романа, какъ изображенія великосвѣтскаго общества, мы не имѣемъ въ виду входить въ детали и не станемъ разбирать по порядку всѣ фигуры, выведенныя въ романѣ. Для нашей цѣли достаточно установить общій взглядъ на картину жизни, нарисованную художникомъ. Но тѣмъ важнѣе сосредоточиться на болѣе подробномъ анализѣ главной фигуры, въ которой воплощены важнѣйшія типичныя черты великосвѣтской психологіи. Это именно—*графъ Алексѣй Кирилловичъ Вронскій*.

II.

Картина великосвѣтской жизни, такъ мастерски воспроизведенная въ „Аннѣ Карениной“, прежде всего должна быть сопоставлена съ соотвѣтственной картиной въ „Войнѣ и Мирѣ“.

Вспомнимъ важнѣйшіе образы въ великой эпопее, сюда относящіеся, положительные и отрицательные типы, Болконскихъ, Ростовыхъ, Безухова, Друбецкаго, князя Василія и другихъ, припомнимъ мастерской психологической анализъ Толстого, направленный на раскрытіе самой аристократической формы личности героевъ и героинь,—и мы получимъ живое и цѣльное представленіе о цѣломъ *классѣ*, который въ ту эпоху стоялъ у дѣла или, по крайней мѣрѣ, около дѣла. Это дѣло было общегосударственное, національное и историческое. Въ этомъ нашемъ *представленіи* о русской аристократіи въ дореформенное время видное мѣсто занимаетъ мысль о крѣпостномъ правѣ, какъ объ основѣ экономической силы класса и вмѣстѣ какъ о той прерогативѣ его, которая идеально обязывала его лучшихъ людей къ служенію общегосударственнымъ и широко понятымъ народнымъ интересамъ. Далѣе, въ наше представленіе о классѣ входятъ черты, указывающія на

его умственное превосходство надъ другими (въ ту эпоху), на его причастность къ европейскому просвѣщенію и къ передовымъ идеямъ вѣка. Наконецъ, наше представленіе о немъ отдѣляется еще чертами *аристократизма*, какъ родовитаго, кровнаго, съ генеалогіями, далеко уходящими въ глубь прошлаго, такъ и новаго, „случайнаго“, возникшаго волею высшей власти въ теченіе XVIII-го вѣка.

Обращаясь къ психологій класса, мы сразу ясно различаемъ рядъ чертъ, объединяющихъ различныхъ представителей его въ одну группу, связывающихъ узамъ *единой классовой психологической формы*, напр., стараго князя Болконскаго и Пьера Безухова, князя Андрея и Николая Ростова и т. д. Этотъ рядъ чертъ, сводящихся въ концѣ концовъ къ *особаго рода соціальному самочувствію*, наглядно вырисовывается сопоставленіемъ ихъ съ другими формами групповой психики, сравненіемъ князя Андрея, Безухова, Ростова и другихъ, какъ аристократовъ, съ капитаномъ Тушиловымъ, Денисовымъ, Долоховымъ и другими, какъ представителями иныхъ слоевъ общества. Такія очныя ставки показываютъ намъ, что Болконскіе, Ростовы, Друбецкіе, Безуховы и т. д., независимо отъ знатности рода и высокаго положенія, отъ унаслѣдованныхъ или пріобрѣтенныхъ титуловъ, отъ владѣнія крѣпостными, отъ богатства, отъ уровня умственного развитія и образованія, отъ нравственныхъ качествъ, обладаютъ *еще какими-то особыми психическими чертами*, проявляющимися у разныхъ натуръ различно, но по существу остающимися все тѣми же; у иныхъ эти черты возведены на степень сознанія, у другихъ скрываются за предѣлами послѣдняго; вообще онѣ могутъ получать весьма разнообразныя формы постановки въ общей душевной экономіи личности. Ихъ совокупность и образуетъ то, что мы называемъ *психологическою великосвѣтскою формою*: тутъ мы найдемъ и чувство своего превосходства передъ прочими смертными въ силу одной только принадлежности къ господствующему классу, и родъ брезгливости, осложняющей это чувство, и особое понятіе чести и долга, его умѣряющее или уравнивающее, и извѣстную—специфическую—душевную культуру, въ которой переплетались выправка манеръ, лоскъ, тепличность воспитанія, условная образованность *). Все это—черты *общія, классовыя*, т. е. онѣ индивидуальны только въ томъ смыслѣ, что принадлежать

*) Какъ на черту несущественную и временную, нужно указать на извѣстное пристрастіе къ иностраннымъ языкамъ, въ особенности французскому, соединенное съ пренебреженіемъ къ русскому, и на вытекавшую отсюда относительную *денационализацию*.

каждому представителю класса и въ каждомъ выражаются различно, съ тѣми или иными оттѣнками. Онѣ образуютъ общій основной фонъ душевной картины, — именно то, что удобнѣе всего подводится подъ понятіе *классовой психологической формы* — въ противоположность индивидуальному психологическому *содержанію* личности. Носители этой общей классовой психики могутъ отличаться другъ отъ друга умомъ, характеромъ, темпераментомъ, образованіемъ и т. д., и т. д., и совокупность всего, чѣмъ они психологически отличаются другъ отъ друга, составляетъ личное душевное содержаніе каждаго — въ противоположность психологической формѣ, которая ихъ сближаетъ и объединяетъ въ одну группу.

Но, какъ я указалъ на это выше, индивидуальное содержаніе личности (напр., такой-то характеръ, умъ такого-то склада, степень образованности, качества, обусловленные особымъ¹ положеніемъ или дѣятельностью личности, таланты и мн. др.) всегда такъ или иначе воздѣйствуетъ на форму и преобразовываетъ ее въ душевные элементы весьма² разнообразнаго качества и достоинства. Такъ, старый князь Болконскій — при большомъ умѣ и солидномъ образованіи — являетъ намъ примѣръ аристократической формы, въ которой чувство классового превосходства превратилось въ сознательную родовую гордость и своеобразное тщеславіе. Это зависитъ отъ личныхъ свойствъ, отъ чертъ характера и отъ самой карьеры стараго вельможи и вольтерьянца. Избавованный успѣхами, властью, высокимъ положеніемъ, человѣкъ, воспитавшійся на привычкахъ стараго барства и традиціяхъ „временъ очаковскихъ“, живой памятникъ екатерининскаго вѣка, но вмѣстѣ съ тѣмъ человѣкъ, хорошо сознающій свое умственное превосходство и свои заслуги, — старый князь Болконскій невольно ассоціируетъ свою личную гордость съ классовымъ самочувствіемъ, — онъ гордъ и тщеславенъ не только своими личными качествами, успѣхами, заслугами, умомъ, независимостью и т. д., но и предками, которые всѣми этими преимуществами могли не блистать въ той мѣрѣ, какая даетъ право на родословную гордость. Князь гордится своимъ родомъ и свысока третируетъ Ростовыхъ, хотя родъ послѣднихъ не менѣе древенъ. Происхожденіе отъ удѣльныхъ князей составляетъ лишь незначущую прибавку къ „достоинству“ рода Болконскихъ, который также, какъ и родъ Ростовыхъ, въ прошломъ теряется въ старомосковскомъ боярствѣ, какъ извѣстно, весьма мало походившемъ на настоящую — въ европейскомъ смыслѣ — аристократію. Князь Андрей не раздѣляетъ этой родовой спѣси отца и съ улыбкою разсматриваетъ висящее на стѣнѣ „родословное древо“ своихъ

предковъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ гордъ не менѣе отца, и, хотя эта гордость у него вытекаетъ преимущественно изъ сознанія своихъ личныхъ качествъ—ума, характера, образованія, но все-таки подъ нею чувствуется несознанное родовое тщеславіе. Въ немъ ясно сказывается сынъ стараго князя,—онъ въ концѣ концовъ гордъ тѣмъ, что онъ—Болконскій, а не Безуховъ или Ростовъ. Онъ этого не высказываетъ, пожалуй, даже не отдаетъ самому себѣ отчета въ этомъ, но эта черта ясно сквозитъ во всемъ его существѣ, въ его отношеніяхъ къ другимъ, его манерѣ держаться въ обществѣ, его нескрываемомъ презрѣніи къ большинству представителей своего же круга. Сознательное тщеславіе отца стало какъ бы инстинктомъ у сына. Князь Андрей—аристократъ съ головы до ногъ, но его аристократизмъ является уже не столько дѣломъ убѣжденія, идеаломъ или программой стремленій, сколько совокупностью привычекъ, манерою держать себя, и обнаруживается произвольно въ мелочахъ внутренняго душевнаго обихода, въ чертахъ внѣшняго выраженія. Иначе говоря, аристократизмъ князя Андрея гораздо *формальнѣе*, чѣмъ у его отца. Въ этой постановкѣ, т. е. въ качествѣ чистой психологической формы, аристократизмъ въ большинствѣ случаевъ отнюдь не является душевнымъ укладомъ, подлежащимъ безусловному осужденію и отрицанію, — въ особенности же, если въ эту форму вложено значительное и цѣнное душевное содержаніе, какъ это мы видимъ у князя Андрея. Уже одна эта ея способность сочетаться съ такимъ содержаніемъ достаточно ее рекомендуетъ.

Вообще при оцѣнкѣ разныхъ классовыхъ, сословныхъ, профессиональных и т. д. психологическихъ формъ слѣдуетъ прежде всего имѣть въ виду вопросъ, способна ли данная форма служить вмѣстилищемъ новаго—положительнаго—душевнаго содержанія, новыхъ идей и идеаловъ. Вопросъ гласитъ: не есть ли эта форма—старый мѣхъ, негодный для храненія новаго вина, или же это—мѣхъ, хотя и старый, но все еще добрый, могущій служить сосудомъ „вина новаго“? Свидѣтельство исторіи говорить въ пользу того, что аристократическая форма въ свое время болѣе, чѣмъ какая-либо другая, оказывалась пригодною для „храненія“ новаго, далеко не аристократическаго по существу, содержанія идей, стремленій, идеаловъ. Мы знаемъ много примѣровъ сочетанія аристократизма формы съ демократизмомъ убѣжденій. Люди ярко-выраженной аристократической формы, въ передовыхъ странахъ Европы, въ XVIII-мъ и также отчасти въ XIX-мъ вѣкѣ, выступали въ качествѣ провозвѣстниковъ передовыхъ идей, въ рядахъ дѣятелей, боровшихся со старыми порядками, стре-

мившихся къ скорѣйшему упраздненію того самаго строя, котораго характернымъ признакомъ и было созданіе аристократіи, какъ правящаго класса. Вспомнимъ и нашихъ декабристовъ, изъ которыхъ многіе были типичные аристократы формы, весьма близко подходящіе въ этомъ отношеніи къ тому, что Толстой изобразилъ въ фигурѣ князя Андрея Болконскаго.

Явленіе, о которомъ мы говоримъ (сочетаніе формы, въ данномъ случаѣ аристократической, съ содержаніемъ, ей не отвѣчающимъ), менѣе всего можетъ быть названо случайнымъ или ненормальнымъ. Оно выполнѣ въ порядкѣ вещей и должно, какъ я думаю, найти раціональное истолкованіе въ данныхъ соціальной психологіи. Впослѣдствіи я предложу опытъ такого истолкованія, а пока укажу только на слѣдующее.

Психологическія классовыя формы обыкновенно переживаютъ фактическое существованіе и историческую роль своихъ классовъ и нерѣдко утилизируются историческимъ процессомъ для новыхъ цѣлей, если эти формы содержатъ въ себѣ подходящіе элементы. Но сослуживъ эту службу, форма доживаетъ до того момента, когда ей уже нечего дѣлать, когда новое историческое дѣло можетъ быть совершенно другими психологическими классовыми формами лучше, чѣмъ ею,—тогда она сходитъ со сцены, чтобы просуществовать еще нѣкоторое время не у дѣлѣ, прозябая и вымирая, пока наконецъ не растворится въ другихъ психологическихъ формахъ, выдвигаемыхъ на авансцену историческимъ ходомъ вещей. Современная аристократическая форма въ такомъ именно положеніи и находится: она еще существуетъ, но уже начинаетъ растворяться въ новыхъ формахъ—*буржуазной* и *бюрократической*. Такъ вездѣ въ Европѣ, такъ и у насъ, въ Россіи. У насъ аристократическая (великосвѣтская) форма еще существуетъ, но въ средѣ ея представителей нѣтъ и не можетъ быть князя Андрея Болконскаго, типичнаго аристократа формы, безъ малѣйшей примѣси буржуазныхъ чертъ, а равно и съ полной неспособностью къ бюрократическому приспособленію, какъ и ко всякому иному. Для кн. Андрея (какъ я старался показать въ первомъ выпускѣ этого труда) чрезвычайно характерна эта его *неприспособляемость*, свидѣтельствующая о томъ, что его психологическая форма можетъ еще служить „сосудомъ вина новаго“, не искажаясь, не измѣняясь, не утрачивая своихъ типичныхъ чертъ.

Напротивъ того, для современной аристократической формы именно наиболѣе характерна ея *приспособляемость*, въ силу которой она теряетъ свою чистоту и цѣлостность и быстро идетъ къ исчезновенію.

Въ нашей литературѣ нѣтъ другого произведенія, по которому мы могли бы такъ хорошо ознакомиться съ этимъ процессомъ и вообще съ психологіей русской аристократической формы въ ея „послѣднемъ изданіи“, какъ знаменитый романъ изъ великосвѣтской жизни—„Анна Каренина“.

III.

На первомъ планѣ роскошной картины великосвѣтской жизни, изображенной въ романѣ „Анна Каренина“, рисуется великолѣпная фигура *Вронскаго*. Для ознакомленія съ аристократическою формою въ ея новой постановкѣ Вронскій представляетъ особую важность съ той точки зрѣнія, что въ немъ эта психологическая форма еще сохраняется въ наибольшей чистотѣ: онъ—подлинный, кровный аристократъ, и приспособленіе къ новымъ условіямъ, вліяющимъ на измѣненіе изучаемой классовой психики, выразилось у него далеко не такъ значительно, какъ у другихъ представителей той же формы. Несмотря на цѣлую пропасть, отдѣляющую его отъ князя Андрея Болконскаго, между ними есть нѣкоторыя черты сходства, и, разбирая Вронскаго, намъ придется иногда вспоминать князя Андрея. Это поможетъ намъ лучше отбѣнить все различіе между ними, какъ представителями той же классовой психики, и покажетъ намъ, насколько измѣнилась послѣдняя за время, отдѣляющее эпоху „Анны Карениной“ отъ эпохи, изображенной въ „Войнѣ и Мирѣ“.

„Что такое Вронскій?“ — спросимъ мы вслѣдъ за Левинымъ (т. I, ч. I, гл. XI) и отвѣтимъ—пока—словами Облонскаго (тамъ же): „Вронскій—это одинъ изъ сыновей графа Кирилла Ивановича Вронскаго и одинъ изъ самыхъ лучшихъ образцовъ золоченой молодежи петербургской... Страшно богатъ, красивъ, большія связи, флигель-адъютантъ и вмѣстѣ съ тѣмъ—очень милый, добрый малый... Но болѣе, чѣмъ просто добрый малый... Онъ и образованъ, и очень уменъ; это человѣкъ, который далеко поидетъ“.

Впервые мы его встрѣчаемъ въ гл. XIV-ой (т. I, ч. I), и здѣсь онъ невольно располагаетъ насъ въ свою пользу. Можно сказать, что впечатлѣніе, имъ производимое, симпатичнѣе того, какое вызываетъ въ насъ кн. Андрей, когда мы въ первый разъ встрѣчаемъ его въ салонѣ Анны Павловны. Насколько оправдается впоследствии это первое впечатлѣніе, производимое Вронскимъ, и каково будетъ наше окончательное сужденіе о немъ, какъ о человѣкѣ,—это выяснится въ дальнѣйшемъ, а теперь мы зай-

мемся анализомъ *формальныхъ* великосвѣтскихъ элементовъ его психики, т. е. тѣхъ, которые онъ раздѣляетъ съ другими представителями класса или среды.

Далеко не у всѣхъ изъ нихъ эти элементы выступаютъ съ тою отчетливостью, какая необходима для того, чтобы они могли быть легко и удобно наблюдаемы со стороны. Тутъ играетъ не послѣднюю роль отношеніе формы къ содержанію. Есть характеры, натуры, умы, оттѣсняющіе форму далеко вглубь, такъ что она слабо обнаруживается и мало доступна наблюденію. Или же душевное содержаніе личности такъ сложно и интересно, что почти все наше вниманіе сосредоточивается на немъ, не отвлекаясь въ сторону формы. Таковъ, напр., Пьеръ Безуховъ. Что онъ человѣкъ великосвѣтскаго круга, и что формальные признаки великосвѣтской психики въ немъ существуютъ,—это не можетъ подлежать сомнѣнію. Но его личное, положительное душевное содержаніе такъ значительно и интересно, и такъ поглощаетъ его самого, что мы, вблюдая его со стороны, сосредоточиваемъ все наше вниманіе на его стремленіяхъ, сомнѣніяхъ, мысляхъ, идеалахъ и т. д. и едва замѣчаемъ въ немъ черты великосвѣтской психики, не придавая имъ никакого значенія. У Пьера Безухова рѣзкія черты классовой формы не только заслонены содержаніемъ, но также и *обезврежены* имъ. Подобное же *обезвреженіе*, могущее разсматриваться какъ переходная ступень къ коренному измѣненію формы, къ ея превращенію въ другую, мы наблюдаемъ въ *Облонскомъ*. Стива Облонскій—слишкомъ „добрый малый“, чтобы быть настоящимъ „аристократомъ“. Это — натура настолько благодущная, экспансивная, жизнерадостная, веселая и легкомысленная, что всѣ черты формы, которыя такъ или иначе противорѣчатъ свободному проявленію этого характера, по необходимости смягчены, парализованы и — тѣмъ легче и скорѣе доступны коренному видоизмѣненію. Въ какомъ направленіи совершается это измѣненіе, мы это постараемся выяснитъ на анализѣ Облонскаго въ слѣдующей главѣ.

Вообще для яркаго обнаруженія психологической формы нужны извѣстныя особенности личнаго содержанія человѣка, такія именно, которыя бы прямо или косвенно выдвигали форму, упражняли бы ее, заставляя такъ или иначе проявляться и дѣйствовать. Подобными особенностями натуры надѣлены кн. Андрей въ „Войнѣ и Мирѣ“ и графъ Вропскій въ „Аннѣ Карениной“.

Въ числѣ личныхъ чертъ, общихъ этимъ двумъ натурамъ, мы находимъ то, что можно описать такими выраженіями, какъ „ощущеніе своей значительности“, „знаніе цѣны себѣ“, „гордость“ и т. п. Въ связи съ этимъ находится у нихъ извѣстная

замкнутость въ себѣ, отсутствіе экспансивности. Эти—чисто личныя—черты натуры, для обладанія которыми вовсе нѣтъ надобности быть аристократомъ и которыя встрѣчаются во всѣхъ слояхъ общества, являются однако очень сильнымъ реактивомъ по отношенію къ аристократической формѣ, оживляющимъ, заставляющимъ ярче проявляться извѣстные признаки ея.

Въ числѣ этихъ признаковъ есть одинъ, который прежде всего и оживляется при наличности указанныхъ особенностей натуры. Это именно—столь характерное для аристократіи отгораживание себя отъ остального человѣчества, невольное разумѣніе себя какъ особой, избранной породы людей, явное или замаскированное презрѣніе къ другимъ слоямъ общества, специфическое понятіе „хорошаго общества“, „свѣта“ и т. д.

Присмотримся ближе къ этой чертѣ въ томъ видѣ, какъ она выражена у Вронскаго.

Въ одномъ мѣстѣ Толстой говорить о Вронскомъ, что онъ „поражалъ и волновалъ людей своимъ видомъ непоколебимаго спокойствія“, и что онъ „смотрѣлъ на людей какъ на вещи“ (ч. I, гл. XXXI). Это одно изъ тѣхъ мѣткихъ опредѣленій, на которыя Толстой такой мастеръ. Почему „непоколебимое спокойствіе“ Вронскаго поражаетъ и волнуетъ людей? Потому что эти люди ясно видятъ, что подъ выраженіемъ такого „спокойствія“ скрывается привычка Вронскаго смотрѣть на нихъ какъ на вещи, не признавать ихъ такими же людьми, какъ онъ.

Въ этой манерѣ держать себя въ обществѣ, ему чуждомъ, скрывается своего рода „браминъ“, застывшій въ сознаніи своего превосходства, своего происхожденія изъ головы Брахмы. Въ старину (и въ Зап. Европѣ болѣе, чѣмъ у насъ), когда аристократія была замкнутымъ классомъ и основывалась на фактическихъ прерогативахъ, такая манера никого не волновала и не поражала: она была выраженіемъ дѣйствительныхъ отношеній. Въ этомъ смыслѣ—соотвѣтствія дѣйствительности, всему строю общества и общепризнаннымъ понятіямъ—она была „правдива“ и практиковалась *сознательно*, съ убѣжденіемъ. Въ настоящее время она уже „не правдива“, т. е. не соотвѣтствуетъ ни дѣйствительности, ни господствующимъ понятіямъ, а потому и „волнуетъ“ всѣхъ тѣхъ, кто видитъ всю ея необоснованность, ея пезаконность и кому вслѣдствіе этого она кажется *ложью*, смѣшной и досадной претензіей, пустымъ чванствомъ. Но, съ точки зрѣнія строго-психологической, ее нельзя назвать *ложью*: вѣдь Вронскій, когда онъ впадаетъ въ оцѣпенѣлое состояніе „непоколебимаго спокойствія“ и смотритъ на людей какъ на вещи, отнюдь не лжетъ передъ самимъ собою и вовсе не сознаетъ противорѣчія этой манеры съ

дѣйствительными отношеніями и господствующими понятіями. Поэтому манера, о которой мы говоримъ, должна быть понимаема не какъ ложь, а только какъ *фигція*: она является выраженіемъ несуществующихъ фактически отношеній и воспроизводитъ не то, что есть, а то, что когда-то было,—она—тѣнь прежней „правды“. Какъ для всѣхъ тѣней прошлаго, для нея мѣсто — въ безсознательной сферѣ психики, гдѣ она должна пребывать, не выходя наружу, не проникая въ сознаніе, не становясь сознательнымъ убѣжденіемъ. Въ социальной жизни едва ли найдется такое явленіе, которое, исчезнувъ фактически изъ обихода дѣйствительности, не оставило бы послѣ себя, въ социальной психикѣ, *своей тѣни, своей фикции*. Между ними есть и тѣ, которыя мы обыкновенно называемъ *предразсудками* а социологи ихъ подведутъ подъ понятіе „*пережитка*“. Къ числу таковыхъ нужно отнести и фикцію аристократизма.

Послѣдняя, какъ всякій предразсудокъ, становится явленіемъ отрицательнымъ и подлежитъ справедливому осужденію тогда только, когда она, переходя изъ безсознательной сферы въ сознаніе, принимаетъ ложный видъ подлиннаго убѣжденія и вторгается въ область дѣйствительныхъ отношеній между людьми. Такому оживленію и вторженію ея въ жизнь можетъ способствовать весьма и весьма многое. Напримѣръ, въ данную минуту человѣкъ можетъ находиться въ такомъ настроеніи, которое оказывается благопріятнымъ для оживленія и обнаруженія классового предразсудка. Всѣхъ такихъ настроеній не перечестъ, и для насъ достаточно, ради примѣра, указать на одно изъ нихъ, отмѣченное Толстымъ. Въ сценѣ, которую мы имѣемъ въ виду (она же и дала поводъ Толстому упомянуть о „непоколебимомъ спокойствіи“ Вронскаго, столь волнующемъ людей другого круга), мы находимъ Вронскаго въ вагонѣ на пути изъ Москвы въ Петербургъ. Онъ погруженъ въ пріятныя думы о возможности романа съ Карениной,—онъ чувствуетъ себя въ преддверьи близкой любви. Его самочувствіе усилилось, его гордость подогрѣта,—и вотъ именно это состояніе приподнятаго настроенія и является *у него* (у другой, менѣе замкнутой, болѣе экспансивной натуры этого могло и не случиться) тѣмъ реактивомъ, который еще энергичнѣе, чѣмъ обыкновенно, оживляетъ въ сознаніи и подчеркиваетъ въ наружномъ проявленіи извѣстныя черты аристократической формы. Это весьма удачно оттѣняется стѣдующимъ образомъ: „... *Теперь онъ еще болѣе казался гордъ и самодовлѣющъ*. Онъ смотрѣлъ на людей какъ на вещи. Молодой нервный человѣкъ, служащій въ окружномъ судѣ, сидѣвшій противъ него, возненавидѣлъ его за этотъ видъ. Молодой человѣкъ и закуривалъ у него, и заговаривалъ съ нимъ, и даже

толкать его, чтобы дать ему почувствовать, что онъ не вещь, а человѣкъ, но Вронскій смотрѣлъ на него все такъ же, какъ на фонарь, и молодой человѣкъ гримасничалъ, чувствуя, что онъ теряетъ самообладаніе подѣ давленіемъ этого непризнаванія его человѣкомъ“. (Т. I, ч. I, гл. XXXI).

Не трудно видѣть, что — съ психологической точки зрѣнія — этого рода случаи обнаруженія аристократической фикціи представляютъ собою, такъ сказать, еще полъ-бѣды. Настоящая же психологическая „бѣда“ является лишь тогда, когда — наоборотъ — фикція проникаетъ въ сознаніе не потому, что тамъ есть нѣчто-ея вызывающее, дѣйствующее на нее какъ реактивъ, но потому именно, что тамъ совсѣмъ нѣтъ ничего значительнаго, нѣтъ ни серьезныхъ мыслей, ни захватывающихъ чувствъ, и образуется родъ душевной пустоты, которая и заполняется тѣнями безсознательной сферы. Тогда классовая форма — фикція незаконно становится на мѣсто самаго содержанія личности. Вотъ именно это ненормальное и отталкивающее проявленіе аристократической фикціи мы и наблюдаемъ у Вронскаго въ *первое время*, въ двухъ первыхъ частяхъ романа. Потомъ, какъ увидимъ, эта черта все болѣе ступшевыается, по мѣрѣ того, какъ личная жизнь Вронскаго наполняется новымъ содержаніемъ. Постепенно мы примираемся съ нимъ.

Третированіе людей другого круга, какъ своего рода низшую расу, практикуемое Вронскимъ не только инстинктивно, по унаслѣдованной привычкѣ, но и потому, что готово стать у него (или уже стало) сознательнымъ убѣжденіемъ, принципомъ, изображено въ различныхъ мѣстахъ романа, но преимущественно въ первыхъ двухъ частяхъ. Напр., да припомнить читатель эпизодъ, гдѣ Вронскій рассказываетъ Бетси про столкновение двухъ офицеровъ съ титулярнымъ совѣтникомъ и свое посредничество (ч. II, гл. V) и гдѣ презрѣніе къ людямъ другого круга, обхожденіе съ ними, какъ съ низшей расой или смѣшными выходцами изъ какого-то другого міра, такъ и сквозить, и брызжетъ въ каждомъ словѣ и во всемъ тонѣ, въ какомъ ведется разговоръ.

Но еще ярче отбѣнена эта черта въ гл. XIX-ой (II-ой части), гдѣ Вронскій, сидя за столомъ въ офицерскомъ собраніи, упорно не хочетъ замѣчать двухъ офицеровъ, которые въ этомъ случаѣ оказываются въ такомъ точно положеніи, въ какомъ мы видѣли выше молодого человѣка изъ окружнаго суда. „Вронскій, взглянувъ на нихъ (читаемъ здѣсь), нахмурился и, какъ будто не замѣтивъ ихъ, косясь на книгу, сталъ ѣсть и читать вмѣстѣ“. Офицеры — того же полка, товарищи Вронскаго, и одинъ изъ нихъ даже на „ты“ съ нимъ. Повидимому, онъ лично ничего противъ

нихъ не имѣть, но они — „другой расы“, другой социальнo-психологической формы, не великосвѣтской, — и только потому и происходитъ слѣдующая сцена. „Что, подкрѣпляешься на работу (т. е. на предстоящія скачки)?“ — сказалъ пухлый офицеръ, садясь подлѣ него. — Видишь, — отвѣчалъ Вронскій, хмурясь, отирая ротъ и не глядя на него. „А не боишься потолстѣть“ — сказалъ тотъ, поворачивая стулъ для молоденькаго офицера. — Что? — сердито сказалъ Вронскій, дѣлая гримасу отвращенія и показывая свои сплошные зубы. „Не боишься потолстѣть?“ — Человѣкъ, хересу! — сказалъ Вронскій, не отвѣчая, и, переложивъ книгу на другую сторону, продолжалъ читать.

Онъ хмурится, дѣлаетъ гримасы отвращенія, не отвѣчаетъ на вопросъ, ведетъ себя въ отношеніи товарища крайне невѣжливо, нарушая этимъ одинъ изъ важныхъ параграфовъ великосвѣтскаго кодекса, предписывающій быть джентльменомъ, — и все это только для того, чтобы показать этимъ офицерамъ, что хотя онъ, графъ Вронскій, имъ и товарищъ по полку, но что тѣмъ не менѣе граница, ихъ отдѣляющая отъ него, остается нерушимой, — и чтобы они и не думали претендовать на какія бы то ни было человѣческія отношенія къ нему кромѣ служебныхъ и формальныхъ.

Для чего ему нужно показывать это? Почему бы ему не установить съ этими товарищами отношеній простыхъ и человѣчныхъ, какимъ полковая жизнь благопріятствуетъ въ большей мѣрѣ, чѣмъ всякая другая? Приличествуетъ ли наконецъ умному и образованному человѣку, какимъ представленъ Вронскій, выказывать такую спѣсь и мелочность? Вотъ вопросы, которыхъ онъ себѣ не задаетъ, и если бы кто-нибудь ихъ задалъ ему, то онъ самъ затруднился бы отвѣтить на нихъ. Намъ со стороны виднѣе, — и мы скажемъ, что это частью такъ, само собою у него выходитъ, что это у него — родъ инстинкта, частью же получаетъ преднамѣренное и утрированное обнаруженіе потому только, что аристократическая форма съ ея привычками и манерами, не встрѣчая въ индивидуальномъ содержаніи его души противовѣса и отпора, сама становится на мѣсто содержанія. Въ дѣйствительности же Вронскій лучше, чѣмъ кажется въ приведенной и другихъ подобныхъ сценахъ: пусть только жизнь его повернется такъ, чтобы его душа наполнилась извѣстнымъ содержаніемъ, какими-нибудь захватывающими интересами, чувствами, мыслями, — и фикція аристократизма, если не исчезнетъ изъ его душевнаго обихода, то по крайней мѣрѣ отодвинется за предѣлы сознанія, проявляясь лишь изрѣдка, при случаѣ, какъ невольное душевное движеніе, а не какъ правило, руководящее поведеніемъ человѣка.

Такъ потомъ и случится. И мы увидимъ, что, напр., въ отношеніи къ художнику Михайлову, человѣку совсѣмъ изъ другого круга, Вронскій относится безукоризненно, какъ истинный джентльменъ, гуманно и тактично. Онъ не третируетъ его, не выказываетъ (и, кажется, даже не чувствуетъ) презрѣнія къ нему, и только въ „глубинѣ души, не выражая этого, соглашается съ Голенищевымъ, когда послѣдній утверждаетъ, будто Михайловъ завидуетъ Вронскому. „Вронскій защищалъ Михайлова (читаемъ здѣсь), но въ глубинѣ души онъ вѣрилъ этому, потому что по его понятію человѣкъ другого, низшаго міра долженъ былъ завидовать“ (т. II, ч. V, гл. XIII).

Еще, пожалуй, невиннѣе, какъ чисто-инстинктивное, другое проявленіе великосвѣтскаго предразсудка, изображенное въ гл. XXXIII V части. Вронскій (уже въ отставку и по возвращеніи изъ-за границы вмѣстѣ съ Анной) приходитъ въ театръ: „Тѣ же, какъ и всегда, были по ложамъ *какія-то дамы съ какими-то офицерами* въ задахъ ложъ; тѣ же, *Богъ знаетъ кто*, разноцвѣтныя женщины, и мундиры, и сюртуки, та же грязная толпа въ райкѣ, и во всей этой толпѣ, въ ложахъ и въ первыхъ рядахъ, были *человѣкъ 40 настоящихъ* мужчинъ и женщинъ. И на эти оазисы Вронскій тотчасъ обратилъ вниманіе и съ ними тотчасъ же вошелъ въ сношеніе“.

Любовь къ Аннѣ и всѣ осложненія и перипетіи этой любви наполнили жизнь и душу Вронскаго новымъ содержаніемъ, поставили передъ нимъ новыя задачи, заставили его напряженно думать о многомъ, о чемъ раньше онъ никогда не задумывался. Усвоенный имъ и, казалось, столь прочный кодексъ понятій и правилъ теперь уже не годился и вызывалъ критическое къ себѣ отношеніе. Все это заставляло усиленно работать мысль и чувство Вронскаго. Вотъ именно эта работа и заполнила прежнюю пустоту души и отбросила назадъ проникавшую въ сознаніе великосвѣтскую фикцію.

Чтобы довести до конца нашъ анализъ этой фикціи, необходимо разсмотрѣть вопросъ о томъ, какъ развилась и выразилась бы она у Вронскаго при другомъ оборотѣ дѣла, т. е. если бы не было романа съ Анной и вообще не случилось бы ничего такого, что привело бы къ тому же результату,—именно наполнило бы душу Вронскаго новымъ личнымъ содержаніемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ имѣло бы слѣдствіемъ его разрывъ съ великосвѣтскимъ обществомъ и выходъ въ отставку.

Какъ отвѣтъ на этотъ вопросъ, мы находимъ у Толстого указаніе на двѣ возможности,—и обѣ въ высокой степени любопытны. Одна изъ нихъ намѣчена въ сценѣ съ Серпуховскимъ

(т. II, ч. III, гл. XXI), другая — въ эпизодѣ объ иностранномъ принцѣ, пріѣхавшемъ въ Россію.

Раземотримъ и то, и другое.

IV.

Серпуховскій, товарищъ Вронскаго по корпусу, „одного круга, одного общества, одного съ нимъ выпуска, съ которымъ онъ соперничалъ и въ классѣ, и въ гимнастикѣ, и въ шалостяхъ, и въ мечтахъ честолюбія, на-дняхъ вернулся изъ Средней Азіи, получивъ тамъ два чина и отличіе, рѣдко даваемое столь молодымъ генераламъ“ (ч. III, гл. XX). Это была восходящая „звѣзда первой величины“. Его появленіе уже готово было расшевелить честолюбивыя мечты Вронскаго и вызвать въ немъ чувство зависти: „Ровесникъ Вронскому и однокашникъ, онъ былъ генералъ и ожидалъ назначенія, которое могло имѣть вліяніе на ходъ государственныхъ дѣлъ, а Вронскій былъ хотя и независимый, и блестящій, и любимый прелестною женщиною человѣкъ, но былъ только ротмистромъ, которому предоставляли быть независимымъ, сколько ему угодно“ (тамъ же). Серпуховскій, человѣкъ съ умомъ и способностями, съ большимъ честолюбіемъ, мечтаетъ о крупной роли въ государственной жизни Россіи. Но онъ отнюдь не заурядный карьеристъ или честолюбецъ, жаждущій почестей. Это человѣкъ съ выработанными убѣжденіями, которыя онъ стремится проводить въ жизнь. Онъ мечтаетъ о сплоченіи лучшихъ людей въ особую партію, которая, по его мнѣнію, призвана вывести Россію на настоящую дорогу. Эти лучшіе люди—по его убѣжденію — могутъ явиться только изъ высшаго круга, изъ аристократіи. Любя и цѣня Вронскаго, онъ хотѣлъ бы и его завербовать въ свою „партію“. Съ этой цѣлью онъ старается расшевелить его честолюбіе и внушить ему мысль, что такіе, какъ онъ, Вронскій, нужны Россіи. „Такіе люди, какъ ты, нужны“,—говорилъ онъ Вронскому. На вопросъ послѣдняго: „Кому?“,—онъ отвѣчаетъ: „Обществу, Россіи. Россіи нужны люди, нужна партія, иначе все пойдетъ къ собакамъ“. Вронскій, дѣлая видъ, будто не понимаетъ, о какой „партіи“ говоритъ Серпуховскій, наивно спрашиваетъ: „Т. е., что же? Партія Бертенева противъ русскихъ коммунистовъ?“ Тогда Серпуховскій высказывается болѣе опредѣленно. Онъ говоритъ: „Tout ça est une blague. Это всегда было и будетъ. Никакихъ коммунистовъ нѣтъ. Но всегда людямъ интриги надо выдумать вредную, опасную партію. Это старая штука. *Нѣтъ, нужна партія власти людей независимыхъ, какъ ты да я*“. Опять дѣлая видъ, будто не понимаетъ, зачѣмъ нужна такая „партія“,

Вронскій „назвалъ нѣсколько имѣющихъ власть людей“. „Но почему же они не независимы?“ — спрашиваетъ онъ. — „Только потому“, — отвѣчаетъ Серпуховскій, — *что у нихъ нѣтъ, или не было отъ рожденія независимости состоянія, не было имени, не было той близости къ солнцу, въ которой мы родились*. Ихъ можно купить или деньгами, или лаской. И чтобъ имъ держаться, имъ нужно выдумывать направленіе. И они проводятъ какую-нибудь мысль, направленіе, въ которое сами не вѣрятъ, которое дѣлаетъ зло; и все это направленіе есть только средство имѣть казенный домъ и столько-то жалованья... У меня и у тебя есть уже навѣрное одно важное преимущество, то, что насъ труднѣе купить. И такіе люди болѣе, чѣмъ когда-нибудь, нужны“ (гл. XXI).

Такова „программа“ Серпуховскаго. Она любопытна, и мы невольно сожалѣемъ, что Толстой не заставилъ Серпуховскаго развить ее подробнѣе и яснѣе. Но и въ томъ отрывочномъ видѣ, какъ она изложена, она позволяетъ утверждать, что Серпуховскій находится подъ властью нѣкоторой иллюзіи. Мы легко поймемъ сущность и характеръ этой иллюзіи, если уяснимъ себѣ ея психологическое происхожденіе. Но сперва нужно отмѣтить неясности или пробѣлы въ самой „программѣ“ Серпуховскаго. Къ чему собственно сводится она? Къ тому ли, чтобы аристократія стала въ тѣсномъ смыслѣ „правлящимъ классомъ“, или только къ тому, чтобы высшіе чины правительства вербовались изъ великосвѣтской среды? Съ точностью нельзя отвѣтить на этотъ вопросъ, но послѣднее вѣроятнѣе, — а еще вѣроятнѣе то, что самъ Серпуховскій не уяснилъ себѣ этой стороны дѣла. Какъ бы то ни было, но ни то, ни другое (т. е. ни аристократія какъ правящій классъ, ни она же какъ высшее служилое сословіе) не отвѣчаетъ историческому ходу вещей, развитію государственной жизни Россіи, въ частности — усложняющимся отношеніямъ и потребностямъ ея внутренней жизни и политики. Въ „программѣ“ ясно лишь одно: Серпуховскій непоколебимо убѣжденъ въ томъ, что указанныя имъ преимущества высшаго круга, именно: 1) независимость состоянія (и непремѣнно отъ рожденія), 2) имя и 3) „близость къ солнцу“, превращаютъ ихъ обладателей, такъ сказать, въ прирожденныхъ государственныхъ людей.

Это все тотъ же взглядъ на великосвѣтскую среду какъ на особую породу людей, это все та же тѣнь прежней „правды“, когда въ самомъ дѣлѣ это была особая „порода“, фактически отгороженная отъ другихъ слоевъ (да и то не столько у насъ, сколько въ Зап. Европѣ). Мы находимъ, слѣдовательно, у Серпуховскаго ту *фигцію*, о которой была рѣчь выше, оживленною, перешедшею въ сознаніе, занявшею мѣсто въ сферѣ личнаго со-

держанія человѣка и дѣйствующею въ формѣ извѣстныхъ стремленій, извѣстной „программы“. Но вмѣстѣ съ тѣмъ ясно, что это не тотъ случай, когда фикція аристократизма становится на мѣсто отсутствующаго содержанія, заполняя пустоту души. У Серпуховскаго нѣтъ пустоты души,—напротивъ, это человѣкъ съ серьезнымъ содержаніемъ. Но въ этомъ содержаніи есть такіе элементы, которые благопріятствуютъ оживленію формы, служа для нея сильнымъ реактивомъ. Это именно—характеръ дарованій, честолюбіе, успѣхи по службѣ, заслуги. Я представляю себѣ, что для потомка западно-европейской аристократіи все это было бы еще недостаточно въ смыслѣ указаннаго реактива. Но у насъ этого достаточно, потому что наша аристократія искони была служилымъ сословіемъ. Высокое положеніе на государственной службѣ у насъ и есть то, что заставляетъ „аристократа“ чувствовать себя таковымъ,—виѣ ся, на другихъ поприщахъ, онъ легко теряетъ это самочувствіе. Иллюзія Серпуховскаго состоитъ въ томъ, что онъ изъ своего личнаго опыта вывелъ заключеніе, которое оттуда логически не вытекаетъ. Онъ безсознательно поставилъ такой силлогизмъ: я успѣваю на службѣ, я дѣлаю блестящую карьеру, я оказалъ уже услуги государству, и мнѣ предстоитъ занять постъ, на которомъ я могу вліять на ходъ государственныхъ дѣлъ; при этомъ я чувствую въ себѣ „аристократа“, человѣка высшаго круга, съ именемъ, чувствую свою „близость къ солнцу“. Ergo: всѣ мы, люди съ независимымъ состояніемъ, именемъ и „близостью къ солнцу“, отъ рожденія призваны къ успѣхамъ по службѣ, къ блестящей карьерѣ, къ высокому положенію, къ вліянію на ходъ государственныхъ дѣлъ.

Что касается Вронскаго, то заманчивыя перспективы, которыя открываетъ ему Серпуховскій, въ другое время, при другихъ обстоятельствахъ, вѣроятно пробудили бы въ немъ честолюбивыя стремленія, и онъ примкнулъ бы къ „партіи“ и усвоилъ бы „программу“ Серпуховскаго. Онъ подпалъ бы подъ власть той же иллюзіи. Но въ данное время сила послѣдней была парализована для него начинавшимся романомъ съ Анной Карениной,—и Вронскій предпочелъ остаться при своей „независимости“. Романъ былъ еще въ своемъ начальномъ фазисѣ, —и тѣ преобразованія во внутреннемъ мірѣ Вронскаго, которыя были обусловлены этимъ романомъ съ дальнѣйшими осложненіями, въ данное время едва едва начинались,—и Вронскій все еще оставался тѣмъ же представителемъ „золоченой петербургской молодежи“ съ незаполненной душой, съ фикціей аристократической формы, вторгающеюся въ сферу личнаго содержанія. Серпуховскій выгодно отличался отъ него тѣмъ, что у него, Серпуховскаго, соотвѣтствен-

ная фикція была уравновѣшена той иллюзіей. о которой мы только что говорили. И вскорѣ Вронскому пришлось увидѣть воочию всѣ отрицательныя стороны аристократической формы—въ томъ ея видѣ, въ какомъ проявляется она, когда не заполнена соотвѣтственнымъ ей содержаніемъ или, по крайней мѣрѣ, не уравновѣшена иллюзіей содержанія. Я разумѣю одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ эпизодовъ романа, именно тотъ, гдѣ мы находимъ Вронскаго прикомандированнымъ къ особѣ иностраннаго принца (т. II, ч. IV, гл. I).

Эпизодъ не изображенъ художественными средствами, а просто рассказанъ—кратко и вразумительно. То немногое, что здѣсь сказано, чрезвычайно мѣтко и имѣетъ большую цѣнность для раскрытія психологій Вронскаго, въ особенности — классовой, аристократической.

„Принцъ желалъ ничего не упустить такого, про что дома у него спросятъ: видѣлъ ли онъ это въ Россіи? Да и самъ желалъ воспользоваться, скольковозможно, русскими удовольствіями. Вронскій обязанъ былъ руководить его въ томъ и другомъ“. „...Принцъ съ чрезвычайной легкостью усвоилъ себѣ русскій духъ, билъ подносы съ посудой, сажалъ на колѣни цыганку и, казалось, спрашивалъ: что же еще, или только въ этомъ и состоитъ весь русскій духъ?“. „Вронскій имѣлъ привычку къ принцамъ, но оттого ли, что онъ самъ въ послѣднее время перемѣнился, или отъ слишкомъ большой близости съ этимъ принцемъ, — эта недѣля показалась ему страшно-тяжела. Онъ всю эту недѣлю, не переставая, испытывалъ чувство, подобное чувству человѣка, который былъ бы приставленъ къ опасному сумасшедшему, боялся бы сумасшедшаго и вмѣстѣ, по близости къ нему, боялся бы и за свой умъ. Вронскій постоянно чувствовалъ необходимость ни на секунду не ослаблять тона строгой официальной почтительности, чтобы не быть оскорбленнымъ...“ „Манера обращенія принца была презрительна...“ *„Главная же причина, почему принцъ былъ особенно тяжелъ Вронскому, была та, что онъ невольно видѣлъ въ немъ себя самого. И то, что онъ видѣлъ въ этомъ зеркалѣ, не льстило его самолюбію...“* „Глупая говядина! Неужели я такой?—думалъ онъ“.

Эти слова въ высокой степени замѣчательны, но они требуютъ поясненій. Въ какомъ смыслѣ или съ какой стороны Вронскій узнаетъ себя въ принцѣ? Конечно, не въ смыслѣ опредѣленной личности, не со стороны индивидуальнаго душевнаго содержанія: это люди разные. Равнымъ образомъ и не со стороны цинизма: Вронскій вовсе не циниченъ, и пошлыя сужденія принца о русскихъ женщинахъ возмущаютъ Вронскаго: они „не разъ

заставляли его краснѣть отъ негодованія“. Принцъ, какъ онъ изображенъ Толстымъ, несомнѣнно „глупая говядина“ и, *какъ человекъ*, ничего общаго съ Вронскимъ не имѣетъ. Однако, нѣчто общее все-таки оказывается у нихъ. Что же это такое? Толстой въ слѣдующихъ словахъ довольно опредѣленно указываетъ на черту, ихъ сближающую: принцъ былъ джентльменъ, „онъ былъ равенъ и не искателенъ съ высшими, былъ свободенъ и простъ въ обращеніи съ равными, *и былъ презрительно-добродушенъ съ низшими. Вронскій самъ былъ таковымъ и считалъ это большимъ достоинствомъ: но въ отношеніи принца онъ былъ низкій, и это презрительно-добродушное отношеніе возмущало его*“.

Вотъ именно такое „джентльменство“, соединенное съ добродушно-презрительнымъ обращеніемъ съ „низшими“ (съ людьми другихъ слоевъ), и составляетъ одну изъ видныхъ чертъ классовой аристократической формы. Какъ мы знаемъ, у Вронскаго она была выражена довольно ярко и проявлялась какъ инстинктъ. Такое отношеніе къ „низшимъ“ онъ считалъ вполне въ порядкѣ вещей, не видѣлъ въ этомъ ничего дурного; онъ даже позволялъ себѣ идти дальше въ этомъ направленіи, замѣняя добродушную презрительность явно-грубымъ, оскорбительнымъ обращеніемъ, какъ, напр., въ вышеприведенной сценѣ съ товарищами въ офицерскомъ собраніи. И вотъ теперь ему пришлось испытать на себѣ самомъ презрительно-добродушное отношеніе со стороны принца, и, чтобы оно не перешло въ явно-оскорбительное, — ему нужно было „ни на секунду не ослаблять тона строгой официальной почтительности“. Онъ живо почувствовать все неудобство, всю неразумность и негуманность такого отношенія между людьми. Но этого мало: узнавъ въ этой негуманной чертѣ принца такую же свою, онъ по одному этому признаку — и не безъ основанія — отождествилъ свою аристократическую психику съ таковой же психикой принца. Вотъ именно въ этомъ-то смыслѣ онъ и узналъ себя въ принцѣ: онъ узналъ себя не какъ человекъ, а только какъ „аристократа“, какъ носителя извѣстной классовой психологической формы. Онъ нашелъ у принца и почти понялъ тотъ ненормальный процессъ, когда, при душевной пустотѣ, формальные черты психики берутъ на себя роль отсутствующаго содержанія. У принца этотъ процессъ выраженъ въ крайней степени, доходящей до уродства: человекъ не живетъ, не чувствуетъ, не мыслить по-человѣчески, а только исполняетъ обрядъ обхожденія съ людьми по традиціонному кодексу. Вронскій еще очень далекъ отъ этой крайности и, при его серьезныхъ задаткахъ и умѣ, едва ли и способенъ дойти до нея. Но все-таки аналогичный процессъ въ немъ уже намѣтился, — и въ психическомъ

извращеніи принца онъ съ отвращеніемъ увидѣлъ участь, которая, при увеличивающемся опустошеніи души, можетъ угрожать и ему.

V.

Когда классовая форма психики, какова бы она ни была, вторгается въ область душевнаго содержанія личности, то въ этой области должны, конечно, произойти такія или иныя измѣненія. И, кажется, мы не ошибемся, если скажемъ, что лишь рѣдко эти измѣненія приводятъ къ хорошимъ результатамъ. Въ психологическомъ составѣ различныхъ классовыхъ формъ найдется, конечно, не мало чертъ высокаго достоинства (напр., чувство чести и долга въ аристократической формѣ), и вторженіе такой черты въ личный душевный обиходъ человѣка, въ текущій повседневный оборотъ его психики должно оказывать благотворное дѣйствіе на эту послѣднюю. Но въ составѣ классовыхъ формъ есть не мало и отрицательныхъ чертъ, которыя гораздо легче и чаще положительныхъ проникаютъ въ личную душевную жизнь человѣка. Обратимъ вниманіе и на то, что классовыя формы не остаются неподвижными, что онѣ, по мѣрѣ того какъ протекаетъ и близится къ концу историческая роль класса, весьма замѣтно измѣняются къ худшему. Такъ, къ концу XIX-го вѣка буржуазная классовая форма, представлявшая собою въ концѣ XVIII-го и началѣ XIX-го явленіе положительное и прогрессивное, опошлится, „износилась“ и становится явленіемъ отрицательнымъ повсюду, гдѣ она не обновляется притокомъ новыхъ—оздоровляющихъ—элементовъ. Къ счастью, буржуазная форма есть, быть можетъ, самая эластичная и подвижная изъ всѣхъ доселѣ извѣстныхъ классовыхъ формъ и легко подвергается измѣненію въ различныхъ направленіяхъ, въ томъ числѣ и въ прогрессивномъ, о чемъ у насъ будетъ рѣчь въ слѣдующей главѣ. Здѣсь же я имѣю въ виду указать только на то, что вообще сохраненіе классовыхъ формъ и переходъ ихъ элементовъ въ область личной психической жизни человѣка есть явленіе, не согласующееся съ общимъ теченіемъ историческаго прогресса, развивающагося въ направленіи къ упраздненію классовыхъ формъ и къ освобожденію человѣческой личности отъ нормъ классовой психологіи.

Самый обычный результатъ вторженія чертъ классовой психики въ личный душевный обиходъ и оборотъ человѣка состоитъ въ томъ, что человѣкъ перестаетъ чувствовать и думать, любить и ненавидѣть, относиться къ другимъ „по человѣчеству“ и на

основаніи императивовъ своей индивидуальной души и начинаетъ дѣлать все это по внушеніямъ своей классовой формы. Тогда-то именно то чувство отчужденія отъ другихъ людей и превосходства передъ ними,—чувство, о которомъ мы говорили выше, какъ объ одной изъ чертъ аристократической классовой формы, въ самомъ дѣлѣ превращается въ сознательное *презрѣніе* къ людямъ, сопровождаемое желаніемъ дать имъ это почувствовать. Самъ по себѣ такой человѣкъ можетъ быть и добръ, и гуманенъ, онъ можетъ не питать лично никакихъ дурныхъ чувствъ къ прочимъ смертнымъ, но вторженіе указанной классовой черты въ сферу содержанія его души заставляетъ его даже помимо его воли и желанія—быть не добрымъ и не великодушнымъ.

Но этотъ ненормальный процессъ легко можетъ быть приостановленъ и его послѣдствія устранены усиленіемъ содержанія личности, обогащеніемъ элементовъ послѣдняго. Появленіе въ душѣ новыхъ чувствъ, новыхъ мыслей, новыхъ интересовъ, болѣе быстрый обмѣнъ душевныхъ элементовъ, ускореніе темпа психической жизни—все это ставитъ преграду вторженію чертъ формальныхъ, отгѣсняетъ ихъ за предѣлы положительнаго содержанія личности, оздоравливаетъ душу человѣка, дѣлаетъ его гуманиче, доступнее всему человѣческому.

Мы видѣли Вронскаго на пути къ тому предѣлу, который представленъ психикой принца, на пути къ указанному выше душевному извращенію. Но, роковая въ другихъ отношеніяхъ, любовь къ Карениной оказалась въ этомъ случаѣ въ высокой степени благотворной для Вронскаго: она наполнила его душу новымъ содержаніемъ, ускорила темпъ его личной—не формальной—душевной жизни, усилила ея напряженность, дала ему много новыхъ и сильныхъ чувствъ и невѣдомыхъ ему раньше мыслей, пошатнула въ основаніяхъ залежавшійся кодексъ его нравственныхъ правилъ, нарушила всѣ его привычки.

По мѣрѣ того, какъ это совершалось, Вронскій становился лучше и человѣчнѣе,—и, начиная отъ знаменитыхъ сценъ у постели больной при-смерти Анны (гл. XVII-ая IV-ой части) и до конца романа, онъ привлекаетъ къ себѣ наше заинтересованное вниманіе уже не столько какъ типичный представитель велико-свѣтской психологической формы, сколько—и преимущественно — какъ *человѣкъ* съ опредѣленнымъ характеромъ, умомъ, темпераментомъ, нравственнымъ складомъ и т. д., т. е. со стороны *содержанія* своей души.

Это не значитъ, конечно, что его формальная аристократическая психика потеряла способность обнаруживаться и вліять на содержаніе. Нѣтъ,—отъ времени до времени, при случаѣ, она

даетъ себя знать, но эти проявленія становятся относительно рѣдкими и не имѣютъ уже рѣшающаго вліянія на ходъ его душевной жизни, какъ это было прежде. Въ былое время вся жизнь Вронскаго слагалась по кодексу и привычкамъ, добрая половина которыхъ вытекала изъ формальной (а также отчасти профессиональной—военной) психики. Теперь уже не то: „всѣ, казавшіеся столь твердыми, привычки и уставы его жизни вдругъ оказались ложными и неприложимыми“ (ч. IV, гл. XVIII-ая).

Кризисъ этого душевнаго перелома изображенъ въ XVII-ой и XVIII-ой главахъ IV-ой части, которыя по праву должны разсматриваться какъ поворотный пунктъ въ душевной исторіи Вронскаго. Это именно уже упомянутыя сцены у постели при-смерти больной Анны и объясненіе съ Каренинымъ (гл. XVII), затѣмъ описаніе нравственныхъ мученій Вронскаго и его попытки къ самоубійству (гл. XVIII).

Съ этого только момента мы и начинаемъ постепенно *узнавать* Вронскаго, какъ *человѣка*, и не можемъ отказать ему ни въ уваженіи, ни въ симпатіи. Онъ все болѣе выигрываетъ въ нашихъ глазахъ. И, подводя итогъ нашимъ впечатлѣніямъ, мы должны отнести его къ числу положительныхъ типовъ, между тѣмъ какъ вначалѣ онъ сбивался скорѣе на типъ отрицательный.

Мы уже указали на то, что Вронскій, хотя и отдаленно, но все-таки въ извѣстной мѣрѣ напоминаетъ князя Андрея Болконскаго. Въ немъ, конечно, нѣтъ той сложности натуры, тѣхъ выходящихъ изъ ряда качествъ ума и тѣхъ высокихъ стремленій, какими характеризуется Андрей Болконскій, человѣкъ, которому, очевидно, было суждено, если бы онъ не умеръ раньше, явиться однимъ изъ главныхъ дѣятелей движенія, такъ трагически закончившагося въ 1825 году.

Перенося мысленно Вронскаго въ ту эпоху, мы не знаемъ, насколько онъ оказался бы отзывчивымъ въ отношеніи къ тогдашнему движенію умовъ. Весьма возможно, что онъ остался бы въ сторонѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ очевидно, что Вронскій *тогда* отнюдь не явился бы въ положеніи Николая Ростова. Онъ могъ бы остаться въ сторонѣ въ силу лояльности и недостаточной воспріимчивости къ идеямъ, неспособности къ беззавѣтному увлеченію. Вообще, онъ очень положителенъ и трезвъ. Но его трезвость и положительность не вытекаютъ изъ ограниченности, какъ у Ростова. Съ Андреемъ Болконскимъ онъ отчасти сближается, кромѣ аристократической формы, складомъ характера—сильнаго, сосредоточеннаго, рѣшительнаго,—серьезностью натуры, способностью къ живому дѣлу и высоко-развитымъ чувствомъ

чести и долга. Но онъ гораздо „проще“: въ немъ нѣтъ гамлетовскихъ чертъ Болконскаго,—его кругозоръ гораздо уже, его стремленія легче могутъ быть удовлетворены,—ему не трудно войти въ колею служебной карьеры или въ роль земскаго дѣятеля и создать себѣ жизнь, въ которой не оставалось бы мѣста тому вѣчному недовольству, какое такъ присуще князю Андрею. Послѣдній—человѣкъ сильно выраженной, всегда бодрствующей рефлексіи,—у Вронскаго этого мучительнаго дара почти нѣтъ. Князь Андрей смотритъ на жизнь и людей съ большой высоты, которая недоступна Вронскому. Оттуда, между прочимъ, полная неприспособляемость перваго и противоположная черта втораго, умѣющаго скоро и легко найти себѣ живое дѣло, создать себѣ программу жизни и дѣятельности и выполнять эту программу „не мудрствуя“, съ умомъ и тактомъ, да еще съ сознаниемъ хорошо понятаго долга и призванія.

Такимъ представляется намъ Вронскій въ VI-ой части романа, именно въ главахъ (XX-ая и слѣд.), гдѣ мы видимъ его въ деревнѣ, какъ землевладѣльца-хозяина, и потомъ — въ главѣ XXXI-ой, гдѣ онъ изображенъ выступающимъ на поприще общественной дѣятельности. Излагая этотъ эпизодъ, Толстой тщательно отмѣняетъ мотивы, направившіе Вронскаго въ эту сторону. Сперва упомянуты мотивы чисто-личные и не имѣющіе отношенія къ самой общественной дѣятельности: „Вронскій пріѣхалъ на выборы потому, что ему было скучно въ деревнѣ и нужно было заявить свои права на свободу предъ Анной...“. Но тутъ же указанъ и выдвинутъ впередъ мотивъ совсѣмъ иного рода, рисующій Вронскаго, какъ человѣка съ задатками общественнаго дѣятеля: онъ явился на выборы „...болѣе всего для того, чтобы строго исполнить всѣ обязанности того положенія дворянина и землевладѣльца, которое онъ себѣ избралъ“.

Но этого мало. Оказывается, что сама эта дѣятельность пришла ему по душѣ, что онъ способенъ къ ней, чего онъ самъ до сихъ поръ не зналъ: „Но онъ никакъ не ожидалъ, чтобы это дѣло выборовъ такъ заняло его, такъ забрало за живое, и чтобы онъ могъ такъ хорошо дѣлать это дѣло“. Онъ сразу ориентировался, вошелъ въ курсъ новыхъ отношеній и интересовъ, нашелъ свое мѣсто въ рядахъ „либеральной“ партіи, приобрѣлъ всеобщія симпатіи и замѣтное вліяніе. Перечисляя условія, содѣйствовавшія этому вліянію, Толстой сперва упоминаетъ о богатствѣ Вронскаго, о прекрасномъ помѣщеніи въ городѣ и отличномъ поварѣ, далѣе о дружбѣ съ губернаторомъ, товарищемъ Вронскаго по корпусу; но тутъ же прибавляетъ: „а болѣе всего (содѣйствовали вліянію Вронскаго) *простыя, равныя ко всѣмъ отношенія, очень*

скоро заставившія большинство дворянъ измѣнить сужденіе о его личной гордости“.

Если бы Вронскому удалось остаться на мѣстѣ и развернуть свою дѣятельность въ намѣченномъ направленіи, то, весьма вѣроятно, его аристократическая психика существенно измѣнилась бы съ теченіемъ времени и перешла бы въ *общедворянскую*. Въ пользу такого предположенія говорятъ только что приведенные факты, свидѣтельствующіе о приспособляемости Вронскаго къ дворянской помѣщицѣй средѣ, объ его общительности, отсутствіи у него заносчивости, а равно и объ его способности къ живой дѣятельности.

Но этой дѣятельности не суждено было осуществиться. Мы знаемъ только ея начало или, точнѣе, первую попытку приступить къ ней. Поэтому мы лишены возможности *вполнѣ* узнать и оцѣнить Вронскаго, какъ величину общественную. Этотъ пробѣлъ отчасти вліяетъ неблагопріятно и на наше представленіе о Вронскомъ, какъ о *человѣкѣ*. Его качества—ума, характера и т. д., всѣ его задатки могли бы гораздо отчетливѣе выразиться на почвѣ общественной дѣятельности, чѣмъ въ интимной жизни, въ перипетіяхъ романа съ Анной. По всему видно, что Вронскій—натура менѣе всего способная посвятить жизнь голубинымъ воркованіямъ любви. Ему необходима живая дѣятельность. Онъ рвется къ ней,—и чуть ли не главною причиною его охлажденія къ Аннѣ слѣдуетъ признать то, что въ любимой женщинѣ онъ встрѣчаетъ важнѣйшее препятствіе своимъ стремленіямъ къ дѣятельности.

Чтобы закончить характеристику Вронскаго, возстановимъ въ памяти то общее впечатлѣніе, какое онъ производитъ въ качествѣ героя любовной исторіи, составляющей главную фабулу романа. Полагаю, читатель согласится со мною, что въ общемъ это впечатлѣніе выходитъ хорошимъ, благопріятнымъ для Вронскаго. Въ романѣ нѣтъ ничего, чтò давало бы поводъ подозрѣвать Вронскаго въ легкости отношенія къ Карениной, въ фатовствѣ, въ ловеласничествѣ, въ безсердечіи. Если онъ и началъ интригу съ нѣкоторымъ легкомысліемъ, не заботясь о будущемъ, не считаясь съ интересами третьихъ лицъ (мужа, сына), то очень скоро, убѣдившись въ прочности чувства Анны и своего, онъ обнаружилъ далеко не заурядную сердечность и самоотверженность въ своихъ отношеніяхъ къ женщинѣ, которую полюбить. Излишне пояснять, что его охлажденіе къ Аннѣ, изображенное въ шестой и седьмой частяхъ романа, не было ни измѣною, ни отступленіемъ, ни исканіемъ новой любви. Онъ искалъ только дѣятель-

ности, и его неспособность всецѣло отдаться любви говорить въ его пользу. Но онъ остается вѣренъ Аннѣ, хлопочетъ о разводѣ и хотѣлъ бы навсегда связать свою жизнь съ ея жизнью. Объ отношеніяхъ между ними, о причинахъ ссоръ и разлада, приведшаго къ трагической развязкѣ, намъ придется говорить въ другой главѣ. Пока ограничусь сказаннымъ и закончу характеристику Вронскаго указаніемъ на то выгодное для него впечатлѣніе, которое онъ производитъ послѣ смерти Анны, въ послѣдней сценѣ, гдѣ мы встрѣчаемъ его, именно на дебаркадерѣ желѣзной дороги, на пути въ Сербію (ч. VIII-ая, гл. V-ая).

Д. Овсянико-Куликовскій.

Л. Н. Толстой, какъ художникъ.

ГЛАВА II.

Разложение аристократической психологической формы Стива Облонскій

I.

Фигура Стивы Облонскаго, нарисованная съ изумительной даже для Толстого рельефностью и живостью изображенія, представляетъ для насъ, съ точки зрѣнія, установленной въ первой главѣ, далеко не маловажнымъ интересъ. Разбирая Вронскаго, какъ типичнаго представителя аристократической психологической формы, мы отмѣтили въ немъ симптомы возможнаго разложенія или, по крайней мѣрѣ, видоизмѣненія этой формы въ направленіи къ тому социальнo-психологическому укладу, который—условно—можно назвать *общедворянскимъ*. Вотъ именно этотъ процессъ въ *Облонскомъ* выразился несравненно яснѣе и сильнѣе. То, что у Вронскаго дано лишь какъ симптомъ или же какъ возможность, у Облонскаго уже является совершившимся фактомъ. Классовая психика Облонскаго уже не можетъ быть названа аристократической или великосвѣтской въ тѣсномъ и точномъ смыслѣ этихъ терминовъ. Мы не находимъ у него ни отчужденности отъ прочихъ смертныхъ, ни родовой гордости, ни презрѣнія къ представителямъ другихъ слоевъ, ни даже безсознательныхъ, чисто-инстинктивныхъ привычекъ и замашекъ, въ которыхъ невольно сказывается „аристократъ“, человекъ высшаго свѣта.

Психологическая форма личности, выкованная изъ всѣхъ такихъ чертъ, крупныхъ и мелкихъ, явныхъ и тайныхъ, для натуры Облонскаго оказалась бы слишкомъ тѣсной и неудобной. Въ эти узкія рамки, въ эти душевные тиски нельзя вогнать человека, который, между прочимъ, характеризуется такими чертами: „Степанъ Аркадьевичъ былъ на „ты“ почти со всѣми своими знакомыми: со стариками шестидесяти лѣтъ, съ мальчиками два-

дцати лѣтъ, съ актерами, съ министрами, съ купцами и съ генералъ-адъютантами, такъ что очень многіе изъ бывшихъ съ нимъ на „ты“ находились на двухъ крайнихъ пунктахъ общественной лѣстницы и очень бы удивились, узнавъ, что имѣютъ черезъ Облонскаго что-нибудь общее“ (т. I, ч. I, гл. V). По происхожденію Облонскій несомнѣнный „аристократъ“,—князь и „потомокъ Рюрика“ (т. III, ч. VІІ, гл. XVII),—онъ выросъ и воспитался въ великосвѣтской средѣ, и, конечно, великосвѣтская форма личности—въ потенціальномъ видѣ—была его достояніемъ отъ рожденія; сила традиціи, привычки воспитанія, вліяніе среды должны были развитъ ее. „Онъ родился въ средѣ тѣхъ людей, которые были и стали сильными міра сего (читаемъ въ гл. V, ч. I). Одна треть государственныхъ людей, стариковъ, были пріятелями его отца и знали его въ рубашечкѣ; другая треть была съ нимъ на „ты, а третья—были хорошія знакомые...“ Но все это говорится не для того, чтобы отгнать психологическій аристократизмъ Облонскаго, а для того только, чтобы пояснить, какъ легко Степану Аркадьевичу получить по протекціи мѣсто съ хорошимъ окладомъ. Въ отношеніи къ психологической классовой формѣ Облонскаго всѣ эти данныя—и предки, восходящіе къ Рюрику, и государственные люди, пріятели отца, и государственные люди, съ которыми онъ самъ пріятель, и вліяніе среды, и внушенія воспитанія—являются, такъ сказать, мертвымъ капиталомъ, не дѣйствующей, нейтрализованной силою. Помыслы о предкахъ, о своемъ княжескомъ титулѣ, а также то, что можно назвать „чувствомъ породы“,—все это совершенно чуждо Облонскому, который не прочь пошутить на ту тему, „что если ужъ гордиться породой, то не слѣдуетъ останавливаться на Рюрикѣ и отрекаться отъ перваго родоначальника—обезьяны“ (ч. I, гл. III). И не даромъ, выводя Облонскаго на сцену, Толстой почти никогда не называетъ его княземъ; мы чувствуемъ, что выраженіе „князь Облонскій“ звучало бы диссонансомъ, чего нельзя сказать о выраженіи „графъ Вронскій“. Титулъ „князь“, какъ и всякій другой аристократическій ярлыкъ, совсѣмъ не ладитъ съ тѣмъ представленіемъ, которое мы привыкли соединять съ именемъ Степана Аркадьевича или просто Стивы Облонскаго. На всемъ протяженіи романа только одинъ разъ случилось, что въ душѣ Степана Аркадьевича заговорило было, и то на минуту, чувство аристократической гордости: это именно на пріемѣ у вліятельнаго еврея Болгарина, къ которому Облонскій обращается съ просьбой о содѣйствіи ему въ его хлопотахъ о мѣстѣ „члена отъ коммисіи соединеннаго агентства кредитно-взаимнаго баланса южно-желѣзныхъ дорогъ и банковыхъ учрежденій“. Ему пришлось

долго ждать въ пріемной,—вотъ тутъ-то онъ и почувствовалъ „голосъ крови“, но и то не въ формѣ глубокой обиды, негодованія и т. п., а только въ формѣ „неловкости“: „то ли ему было неловко, что онъ, потомокъ Рюрика, князь Облонскій, ждалъ два часа въ пріемной у жида, или то, что въ первый разъ въ жизни онъ не слѣдовалъ примѣру предковъ, служа правительству, а выступалъ на новое поприще,—но ему было очень неловко“ (т. III., ч. VII, гл. XVII). И, вспоминая въ разговорѣ съ Каренинымъ объ этомъ пріемѣ, Степанъ Аркадьевичъ покраснѣлъ (ib). Не трудно видѣть, какъ въ сущности слабъ этотъ голосъ крови у Облонскаго: онъ заговорилъ не потому, что Болгариновъ—представитель денежной аристократіи и еврей, а потому только, что въ данное время Облонскій оказался въ положеніи просителя, и что ему пришлось ждать два часа. При другихъ условіяхъ онъ въ обществѣ Болгарина не ощутилъ бы никакой „неловкости“, какъ не ощущалъ ея въ обществѣ желѣзнодорожнаго богача Мальтуса, о которомъ идетъ рѣчь въ гл. XI-ой VI-ой части. Облонскій рассказываетъ Левину „про прелесть охоты у Мальтуса, на которой онъ былъ прошлымъ лѣтомъ“. Левинъ возмущенъ благодушнымъ отношеніемъ Облонскаго къ Мальтусу. „Не понимаю,—говоритъ онъ,—какъ тебѣ не противны эти люди?“ Съ точки зрѣнія Левина, желѣзнодорожные и банковскіе тузы, какъ Мальтусъ, заслуживаютъ презрѣнія, потому что нажили деньги „безчестно“, т. е. не трудомъ. Облонскій, проводя свою точку зрѣнія, возражаетъ такъ: „Я... не считаю его болѣе безчестнымъ, чѣмъ кого бы то ни было изъ богатыхъ купцовъ и дворянъ. И тѣ и эти нажили одинаково трудомъ и умомъ“. И затѣмъ настаиваетъ на томъ, что „добыть концессію и перепродать“—это тоже „трудъ“: „трудъ въ томъ смыслѣ, что если бы не было его (Мальтуса), или другихъ ему подобныхъ, то не было бы и дорогъ“. Тогда Левинъ возражаетъ указаніемъ на будущее въ глаза несоотвѣтствіе наживаемыхъ такимъ путемъ капиталовъ съ количествомъ затраченнаго труда. „Это зло—пріобрѣтеніе громадныхъ состояній безъ труда, какъ это было при откупахъ,—только переимѣнило форму“,—говоритъ онъ и при этомъ, по мѣткому замѣчанію Толстого, самъ чувствуетъ, что „не умѣетъ ясно опредѣлить черту между честнымъ и безчестнымъ“. И Облонскій, съ своей точки зрѣнія, безусловно правъ, когда говоритъ ему: „То, что ты получаешь за свой трудъ въ хозяйствѣ лишнихъ, положимъ, пять тысячъ, а нашъ хозяинъ-мужикъ, какъ бы онъ ни трудился, не получить больше пятидесяти рублей, точно такъ же безчестно, какъ то, что я получаю больше столоначальника, и что Мальтусъ получаетъ больше дорожнаго мастера. На-

противъ, я вижу какое-то враждебное, ни на чемъ не основанное отношеніе общества къ этимъ людямъ, и мнѣ кажется, что тутъ зависть...“

Такіе сцены и разговоры рисуютъ намъ Облонскаго, какъ чело-
вѣка, въ которомъ великосвѣтская психологическая форма уже
разложилась и перешла въ другую, болѣе широкую и эластич-
ную, которую я предлагаю называть „общедворянскою“. Я беру въ
данномъ случаѣ этотъ терминъ потому, что въ Облонскомъ еще
ясно виденъ *дворянинъ* и *баринъ*, что, напр., отгнѣняется слѣдующей
чертой: защищая противъ нападокъ Левина купца Рябинина,
который обманулъ Степана Аркадьевича при покупкѣ лѣса, онъ
говоритъ: „Ну, ужъ извини меня, но есть что-то *мизерное* въ
этомъ считанѣ (дереьевъ въ лѣсу, на необходимости чего на-
стаиваетъ Левинъ, говоря: „...вотъ ты не считалъ, а Рябининъ
считалъ. У дѣтей Рябинина будутъ средства къ жизни и обра-
зованію, а у твоихъ, пожалуй, не будетъ!“). У насъ свои занятія,
у нихъ свои, и имъ надо барыши...“ (т. I, ч. II, гл. XVII). Здѣсь
сказался типичный баринъ-дворянинъ. Любопытно, что у насъ
эта черта вовсе не характерна и не обязательна для высшей
аристократической формы. Такъ, Вронскій, при всемъ своемъ
аристократическомъ барствѣ, оказывается отличнымъ хозяиномъ,
который во все входитъ и не дастъ себя обмануть (т. III, ч. VI,
гл. XXV). Пусть это—личная черта Вронскаго, но она ничуть не
нарушаетъ цѣльности и „чистоты“ его аристократической формы,
не является въ отношеніи къ ней диссонансомъ. Напротивъ, для
общедворянской, барско-помѣщичьей психики, взлелѣянной крѣпо-
стнымъ правомъ и долговременнымъ общеніемъ, на правахъ вла-
дѣльца или въ роли барина и патрона, съ мужикомъ, мѣщани-
номъ, купцомъ и сельскимъ духовенствомъ, хозяйская дѣловитость,
расчетливость, „свой глазъ“ и т. д. являются чертами не
только не классовыми и чисто-индивидуальными, но еще и та-
кими, которыя не гармонируютъ съ классовой формой. Оттуда и
идетъ практическая неумѣлость и разореніе дворянъ-помѣщи-
ковъ. Переходъ дворянскихъ имѣній въ другія руки есть слѣд-
ствіе непригодности общедворянской психологической формы
къ условіямъ и требованіямъ пореформеннаго хозяйства. Высшая
аристократія, настоящая арена которой — на государственной
службѣ, при дворѣ, и жизнь которой протекала въ столицахъ и
за-границей, не имѣла возможности пріобрѣсти качествъ земле-
владѣльца-хозяина. Поэтому ни въ положительномъ, ни въ отри-
цательномъ смыслѣ представленіе объ этихъ качествахъ не вхо-
дитъ въ понятіе аристократической классовой формы. Напротивъ,
дворяне-помѣщики—исконные сельскіе хозяева, и долговремен-

ный историческій опытъ научилъ ихъ быть—плохими хозяевами. Оттуда въ ихъ психологическую форму входитъ отрицательное представленіе о качествахъ хозяина-помѣщика ^{*)}).

Возвращаясь къ Облонскому, мы скажемъ, что его нельзя разсматривать какъ типичнаго представителя специально дворянско-помѣщичьей психики. По рожденію, по наслѣдственности и по условіямъ воспитанія и жизни онъ былъ предназначенъ для великосвѣтской формы; но послѣдняя въ немъ не осуществилась или разложилась, и, только какъ результатъ этого заторможенія или разложенія, на первый планъ выступили у него черты общедворянскія.

Не будь въ немъ этихъ чертъ, я бы назвалъ его психологическую форму „*общебуржуазною*“.

II.

Не трудно указать на тѣ стороны личной натуры Облонскаго, которыя являются тормозомъ въ отношеніи къ великосвѣтской психологической формѣ. Это прежде всего необыкновенная живость, экспансивность и общительность Степана Аркадьевича или онъ рѣшительно не мирятся, при данныхъ условіяхъ, съ кастовымъ кодексомъ аристократической психики. И если бы въ его душевномъ обиходѣ этотъ кодексъ имѣлъ еще мѣсто и значеніе, то всѣ его параграфы были бы нарушаемы на каждомъ шагѣ. Всякое душевное проявленіе Облонскаго наталкивалось бы на ненужную преграду этихъ „параграфовъ“, и слишкомъ много душевныхъ силъ затрачивалось бы на компромиссы, на борьбу съ „кодексомъ“. Гораздо проще и экономнѣе—устранить самый кодексъ.

Этотъ исходъ является необходимымъ въ силу духа времени и условій жизни Степана Аркадьевича. Въ прежнее время, при большей замкнутости высшихъ слоевъ общества, Облонскому не приходилось бы въ своихъ отношеніяхъ къ людямъ выходить такъ далеко за предѣлы великосвѣтскаго круга; онъ тогда не былъ бы на „ты“ съ актерами и купцами, не заводилъ бы знакомства съ Мальгусомъ, не обращался бы за протекціей къ Болгариннову и т. д. На своемъ жизненномъ пути онъ встрѣчалъ бы, за немногими исключеніями, только лицъ своего круга или близкихъ къ этому кругу и могъ бы проявлять свою общительность,

*) Эта психологическая классовая форма дворянъ-помѣщиковъ въ настоящее время находится въ процессѣ быстрого разложенія въ зависимости отъ общихъ условій времени.

экспансивность, добродушіе и пр., не нарушая „кодекса“. Но въ эпоху пореформенную, въ 70-хъ годахъ, къ которымъ приурочена фабула романа, нарушение кодекса стало неизбежнымъ. Смѣшеніе „сословій“ уже было тогда въ полномъ ходу,—и соблюденіе „кодекса“ создало бы для Степана Аркадьевича массу препятствій на его жизненномъ поприщѣ, вызывало бы ненужныя осложненія, вносило бы фальшивыя ноты и натянутость въ его жизнь. Все это—какъ разъ то, что органически противно натурѣ Степана Аркадьевича, который всего болѣе любитъ простыя и ясныя отношенія, не терпитъ недоразумѣній и стремится быть со всѣми въ добромъ согласіи. Это—натура, если можно такъ выразиться, до краевъ переполненная жизнерадостностью, добродушіемъ и веселостью, натура, которой, для упражненія этихъ душевныхъ силъ, необходимо общеніе съ людьми, съ возможно-большимъ числомъ людей. Облонскому необходимо быть всегда на людяхъ, чтобы отдавать имъ избытокъ жизни, избытокъ почти органической, „безпричинной“ радости существованія, ключомъ бьющей въ его душѣ. „Степана Аркадьевича (читаемъ въ г. V-ой I-ой части) не только любили всѣ знавшіе его за его добрый, веселый нравъ и несомнѣнную честность, но въ немъ, въ его красивой, свѣтлой наружности, блестящихъ глазахъ, черныхъ бровяхъ, волосахъ, бѣлизнѣ и румянцѣ лица, было что-то физически дѣйствовавшее дружелюбно и весело на людей, встрѣчавшихся съ нимъ. „Ага! Стива! Облонскій! Вотъ и онъ!“ почти всегда съ радостною улыбкою говорили, встрѣчаясь съ нимъ. Если и случилось иногда, что послѣ разговора съ нимъ оказывалось, что ничего особенно радостнаго не случилось,—на другой день, на третій опять точно такъ же всѣ радовались при встрѣчѣ съ нимъ“.

Для такой натуры устраненіе великосвѣтскаго кодекса было дѣломъ первой необходимости, и оно совершилось само собою, непронзвольно, такъ что Степанъ Аркадьевичъ и не замѣтилъ, какъ и когда исчезъ у него этотъ кодексъ, и вмѣстѣ съ нимъ быть выброшенъ весь баластъ ненужныхъ предразсудковъ и антипатій—сословныхъ, расовыхъ и всяческихъ.

Устраненіе этого вреднаго баласта совершилось у Облонскаго такъ легко и просто именно потому, что оно вытекало у него изъ *настоятельныхъ требованій экономизаціи душевныхъ силъ*.

Это понятіе „экономизаціи душевныхъ силъ“ представляется мнѣ вообще весьма примѣнимымъ и удобнымъ въ дѣлѣ изученія различныхъ соціально-психологическихъ формъ (національных, классовыхъ, профессиональных и др.), ихъ развитія и разложенія, ихъ исторической роли и смѣны, ихъ перехода изъ одной въ другую.

Но чтобы имъ воспользоваться при анализѣ и объясненіи художественнаго образа Облонскаго, необходимо прежде всего установить правильный взглядъ на этотъ образъ. Какъ, повидимому, ни ясенъ Облонскій, но при бѣгломъ чтеніи у насъ легко возникаетъ не вполне вѣрное сужденіе о немъ. Дѣло въ томъ, что въ изображеніе этого лица Толстой внесъ нѣкоторый сатирическій оттѣнокъ. Выводя на сцену Облонскаго, онъ рѣдко упускаетъ случай подчеркнуть его отрицательныя стороны, въ особенности его легкость, поверхностность его натуры. И въ представленіи читателя Степанъ Аркадьевичъ неизмѣнно впечатлѣвается какъ „добрый, но пустой малый, какъ натура, неспособная заинтересовать, наконецъ, даже какъ фигура забавная и отнюдь не предназначенная художникомъ служить воплощеніемъ или способомъ изображенія сколько-нибудь важныхъ явленій жизни или художественной идеи, заслуживающей раскрытія и анализа. „Легкость“ Облонскаго невольно вызываетъ въ читателѣ соотвѣтственно-легкое отношеніе къ нему, и читателю начинаетъ даже казаться, будто эта фигура пригодна скорѣе для водевиля, чѣмъ для серьезнаго социальна-психологическаго романа.

Такое впечатлѣніе должно быть признано неправильнымъ, не соотвѣтствующимъ дѣйствительности. При внимательномъ чтеніи, при надлежащей группировкѣ и освѣщеніи всѣхъ чертъ этого образа мы убѣждаемся въ томъ, что и какъ человѣкъ Облонскій не лишень извѣстнаго содержанія, и какъ художественный образъ представляетъ немаловажный интересъ, въ особенности въ отношеніи социальна-психологическомъ.

Какъ человѣкъ, Степанъ Аркадьевичъ далеко не такъ ограниченъ и пусть, какъ склоненъ думать читатель на основаніи отдѣльныхъ, неправильно понятыхъ, чертъ. Во-первыхъ, онъ несомнѣнно уменъ и далеко не лишень сознательнаго, даже критическаго отношенія къ окружающему. По-своему онъ мыслить. Не имѣя выработанныхъ идеаловъ, онъ однако имѣетъ свою точку зрѣнія на вещи, нѣчто въ родѣ своей философіи. Можно даже сказать, что Облонскій и выведенъ какъ яркій представитель особой житейской философіи—оппортионизма, съ лозунгомъ „жить, т. е. приспособляться, и, по возможности, другимъ давать жить“.

Припомнимъ знаменитое мѣсто въ началѣ романа, гдѣ Толстой даетъ намъ предварительное понятіе о натурѣ, умѣ и воззрѣніяхъ Облонскаго. Здѣсь между прочимъ читаемъ: „Степанъ Аркадьевичъ получалъ и читалъ либеральную газету, не крайнюю, по того направленія, котораго держалось большинство. И несмотря на то, что ни наука, ни искусство, ни политика собственно не интересовали его, онъ твердо держался тѣхъ взглядовъ на всѣ

эти предметы, какихъ держалось большинство и его газета, и измѣнялъ ихъ только тогда, когда большинство измѣняло ихъ, или, лучше сказать, не измѣнялъ ихъ, а они сами въ немъ незамѣтно измѣнялись“ (т. I, ч. I, гл. III).

Значить ли это, что Степанъ Аркадьевичъ—человѣкъ пустой, немыслящій, безпринципный? Съ точки зрѣнія, напр., Левина, пожалуй, это такъ и есть, но для насъ точка зрѣнія Левина не обязательна, и мы скажемъ, что приведенная цитата рисуетъ намъ Облонскаго только какъ человѣка, лишеннаго оригинальности ума, инициативы мысли и принципиальной, послѣдовательной убѣжденности. Но въдѣ отсутствіе этихъ, вообще довольно рѣдкихъ, качествъ, еще не доказываетъ пустоты, полной безпринципности и неспособности мыслить. Приведенная характеристика говоритъ намъ только то, что Облонскій мыслить заддно съ большинствомъ (его круга), и что въ этомъ отношеніи, какъ и въ другихъ, онъ совсѣмъ не похожъ на Левина. Вообще, для правильнаго пониманія Облонскаго, слѣдуетъ не упускать изъ вида, что онъ нарисованъ совершенно параллельно и въ противоположность Левину. Обѣ фигуры одна другую поясняютъ и отбѣняютъ своими противоположностями. Левинъ—законченный образецъ исключительности, своеобразія, оригинальности. У него все—чувства, мысли, дѣла—не такое, какъ у всѣхъ; во всемъ онъ хочетъ быть существомъ особымъ, не подводимымъ ни подъ какой шаблонъ. Его лозунгъ—идти наперекоръ большинству и меньшинству, и онъ стремится проложить себѣ въ жизни и въ сферѣ мысли особую дорогу—гдѣ-то въ сторонѣ отъ торнаго пути, которымъ идетъ большинство, и отъ тѣхъ дорогъ, которыя прокладываетъ меньшинство. Въ противоположность этому, Облонскій представленъ какъ типичный и вѣрный представитель большинства, какъ человѣкъ, который въ жизни и сферѣ мысли способенъ идти только по торному пути, столь удобному, столь широкому, давно уже приспособленному къ движенію сплошныхъ массъ. Облонскій избираетъ эту дорогу, или, лучше сказать, инстинктивно сворачиваетъ на нее не потому, чтобы она была, по его разумѣнію, лучше другихъ, а потому, во-первыхъ, что она удобнѣе, легче, и что, во-вторыхъ, по ней идетъ сплошная масса большинства, дѣйствующая на Степана Аркадьевича съ неотразимою силою притяженія. Для Облонскаго не только невозможно особый путь въ жизни (не говоря ужъ о мысли), но ему не подъ силу и тотъ, уже проложенный, которымъ идетъ меньшинство. Ибо, хотя и здѣсь имѣются свои шаблоны (невыносимые для Левина), но они не общепризнаны и требуютъ извѣстной затраты душевныхъ силъ человѣка, чтобы онъ могъ къ нимъ при-

ладиться: а Степанъ Аркадьевичъ, какъ и масса, безсознательно избираетъ въ своемъ жизненномъ движеніи сторону наименьшаго сопротивленія. Левинъ, напротивъ, въ своемъ жизненномъ пути движется въ сторону наибольшаго сопротивленія,—и онъ не можетъ пристать къ меньшинству потому именно, что и здѣсь нѣтъ (или ему кажется, что нѣтъ) достаточно простора для личной инициативы, для полного проявленія своеобразія и, скажемъ, своенравія его личности.

Имѣя въ виду эту сторону натуры Облонскаго, эту его „стадность“, отгѣняемую діаметрально-противоположнымъ укладомъ натуры Левина, мы лучше поймемъ то, что въ вышеприведенной цитатѣ говорится о „взглядахъ“ Облонскаго. Для Степана Аркадьевича, какъ для человѣка жизни по преимуществу, всякія идеи и воззрѣнія—общественныя, политическія, религіозныя и иныя—составляютъ только „частный случай“ общаго обихода и направленія его жизни и пахотятся въ непосредственной зависимости отъ склада его натуры, его вкусовъ, его житейскихъ отношеній и т. д., а не отъ высшихъ принциповъ или идеаловъ, а равно и не отъ требованій логики. Онъ придерживается взглядовъ большинства (которые въ данное время оказываются „либеральными“ потому, что вообще его тянетъ къ большинству, къ массѣ, и что и въ этой области, какъ и въ другихъ, онъ не можетъ идти ни по какому иному пути, кромѣ того, по которому идетъ большинство. Если послѣднее со временемъ перестанетъ придерживаться либеральныхъ взглядовъ, и въ немъ распространятся другіе, напр., консервативные, то и Степанъ Аркадьевичъ превратится въ „консерватора“. Но это, съ его стороны, не будетъ „измѣною“ прежнимъ воззрѣніямъ, потому что онъ не человѣкъ воззрѣній, а человѣкъ жизни въ узкомъ смыслѣ, человѣкъ большинства, и онъ не виноватъ, что большинство и онъ самъ вмѣстѣ съ нимъ на своей горной дорогѣ натолкнулись на другую атмосферу „взглядовъ“. Все это лишній разъ возвращаетъ насъ къ той же основной чертѣ натуры Облонскаго — къ его общительности или стадности. Онъ не понимаетъ иного существованія, какъ на-людяхъ, и ему органически недоступно все, что мѣшало бы широкому общенію съ людьми, что такъ или иначе уединяло бы его.

Но послѣдуемъ дальше за характеристикой Облонскаго. Толстой говоритъ, что Облонскій не могъ обойтись безъ „взглядовъ“, и поясняетъ: „...имѣть взгляды ему, жившему въ извѣстномъ обществѣ, при потребности нѣкоторой дѣятельности мысли, развивающейся обыкновенно въ лѣта зрѣлости, было такъ же необходимо, какъ имѣть шляпу“ (ч. I, гл. III). Не взирая на иронию,

эти слова въ извѣстной мѣрѣ поднимають въ нашихъ глазахъ какъ Облонскаго, такъ и самое общество, къ которому онъ принадлежитъ. И въ самомъ дѣлѣ: вѣдь это очень хорошо, это еще слава Богу, если въ обиходъ потребностей общества и его отдѣльныхъ представителей входитъ потребность „нѣкоторой дѣятельности мысли“, если считается необходимымъ „имѣть взгляды“. Приравниваніе же этой духовной потребности къ необходимости имѣть шляпу—обоюдоостро: съ одной стороны, оно, конечно, принижаетъ первую, но зато, съ другой, указываетъ на то, что она—не прихоть, не нѣчто напускное, а въ самомъ дѣлѣ является предметомъ необходимости, что безъ нея люди не могутъ обойтись. Нѣсколько выше (въ той же главѣ) сказано, что не самъ Степанъ Аркадьевичъ выбиралъ взгляды и направленіе, а они „сами приходили къ нему, точно такъ же какъ онъ не выбиралъ формы шляпы или сюртука, а бралъ тѣ, которыя носятъ“. Съ точки зрѣнія Левина, это нѣчто ужасное. Это противно ему болѣе всего на свѣтѣ, но мы отнесемся къ этому столь распространенному явленію спокойнѣе и объективнѣе и скажемъ, что, въ существѣ дѣла, тутъ нѣтъ ничего дурного, ничего подлежащаго осужденію. — Если устранимъ сарказмъ, внесенный сюда Толстымъ, стоящимъ на точкѣ зрѣнія Левина, то получимъ простую мысль, что Облонскій, какъ представитель интеллигентной толпы своего круга, является однимъ изъ участниковъ въ коллективномъ умственномъ „творествѣ“ этого круга, и что онъ, Облонскій, не обладаетъ тою долею оригинальности и умственной инициативы (а на нѣтъ и суда нѣтъ), какая необходима, чтобы претворить продукты „коллективнаго творчества“ въ нѣчто свое, новое и особое. Облонскій—человѣкъ не мысли, а непосредственной жизни, и потому важнѣйшимъ стимуломъ для „нѣкоторой дѣятельности мысли“ служатъ ему ближайшія потребности или импульсы самой жизни, преимущественно личной, внушающей ему инстинктивное предпочтеніе тѣхъ или другихъ взглядовъ. На это Толстой указываетъ весьма опредѣленно, говоря (въ той же главѣ), что Облонскій предпочиталъ либеральное направленіе консервативному не потому, что находилъ первое „болѣе разумнымъ, а потому, что оно подходило ближе къ его образу жизни“. И за симъ слѣдуетъ—явно саркастическое — перечисленіе тѣхъ внушеній личной жизни, которыя направляли Облонскаго въ сторону либерализма: „либеральная партія говорила, что въ Россіи все дурно, и дѣйствительно, у Степана Аркадьевича долговъ было много, а денегъ рѣшительно не доставало. Либеральная партія говорила, что бракъ есть отжившее учрежденіе, и что необходимо перестроить его, и дѣйствительно, семейная жизнь доста-

вляла мало удовольствія Степану Аркадьевичу...“ и т. д. Устраняя и отсюда сарказмы Толстого, мы опять получимъ простую истину, что масса общества создаетъ свое общественное мнѣніе совѣмъ не тѣмъ путемъ, какимъ приходятъ къ своимъ воззрѣніямъ публицисты, моралисты и философы. Эти мѣста, гдѣ Облонскій охарактеризованъ такъ, какъ будто это пишетъ не Толстой, а Левинъ, сразу настраиваютъ насъ (тѣмъ легче, что они находятся въ началѣ романа) противъ Степана Аркадьевича, располагая къ предвзятости мнѣнію о немъ.

Но не трудно устранить это предубѣжденіе. Самъ Толстой, какъ бы спохватившись, вноситъ въ дальнѣйшую характеристику Облонскаго соотвѣтственную поправку. Мы скоро убѣждаемся въ томъ, что либерализмъ Облонскаго вовсе не исключительно вытекаетъ изъ тѣхъ мотивовъ, какіе указаны въ только что приведенномъ мѣстѣ главы III-ей, а имѣетъ еще иной, болѣе глубокий источникъ.

Степанъ Аркадьевичъ либераленъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова и притомъ—по самой натурѣ своей. Либерализмъ у него — не вычитанный, не навѣянный: онъ у него „въ крови“, во всемъ складѣ его души, и обнаруживается невольно, непреднамеренно, какъ родъ инстинкта. Объ этомъ прямо говорится въ слѣдующемъ мѣстѣ V-ой главы I-ой части: „Главные качества Степана Аркадьевича, заслужившія ему... общее уваженіе по службѣ, состояли, во-первыхъ, въ чрезвычайной снисходительности къ людямъ, основанной въ немъ на сознаніи своихъ недостатковъ; во-вторыхъ, въ совершенной либеральности, не той, про которую онъ вычиталъ въ газетахъ, но той, которая у него была въ крови, и съ которою онъ совершенно ровно и одинаково относился ко всемъ людямъ, какого бы состоянія и званія они ни были...“

И соотвѣтственно этому, на всемъ протяженіи романа, вездѣ, гдѣ мы встрѣчаемъ Степана Аркадьевича, онъ неизмѣнно обнаруживается какъ человѣкъ истинно-гуманный, „либеральный“ по натурѣ, простой, чуждый и тѣни того чванства, какое въ разныхъ степеняхъ и формахъ мы найдемъ у другихъ представителей великосвѣтской среды. Толстой не упускаетъ случая отмѣтить и такія мелкія, на первый взглядъ, но характерныя для Облонскаго черты, какъ то,—что онъ говоритъ купцу (Рябинину) „вы“ и подаетъ ему руку (т. I, ч. II, гл. XVI), или пожимаетъ руку мужику (т. II, ч. IV, гл. VII). Это—мелочи, но онѣ имѣютъ свое значеніе, если вспомнить, напр., манеру Вронскаго и весь кодексъ барскаго обхожденія, строго регламентирующій всѣ отгѣнки внѣшнихъ отношеній къ людямъ. Характеренъ для Облонскаго и слѣдующій разговоръ съ Левинымъ, послѣ продажи лѣса купцу Рябинину: „Ну, кончилъ?—сказалъ Левинъ, встрѣчая наверху Сте-

пана Аркадьевича:—хочешь ужинать?“—Да, не откажусь... что жъ ты Рябинину не предложилъ поѣсть?“—„А чортъ съ нимъ!“—Однако, какъ ты обходишься съ нимъ! — сказалъ Облонскій;—ты и руки ему не подаль. Отчего же не подать ему руки?— „Оттого, что я лакею не подамъ руки, а лакей во сто разъ лучше“.—Какой ты, однако, ретроградъ! А сліяніе сословій?—сказалъ Облонскій.— „Кому пріятно сливаться -- на здоровье, а мнѣ противно“.—Ты, я вижу, рѣшительно ретроградъ.—„Право, я никогда не думалъ, кто я. Я—Константинъ Левинъ, больше ничего“ (ч. IV, гл. XVII).—Разговоръ характеренъ для обоихъ,—Облонскаго и Левина. Въ какомъ смыслѣ характеризуетъ онъ Левина, это мы увидимъ въ дальнѣйшемъ, въ главѣ, посвященной послѣднему. Относительно же Облонскаго замѣтимъ, что „сліяніе сословій“, о которомъ онъ упоминаетъ, является въ его устахъ далеко не фразой, не только внушеніемъ либеральной газеты и отголоскомъ моднаго направленія,—сочувствіе этому „сліянію“ вполне гармонируетъ съ самой натурою Облонскаго, и въ ряду выведенныхъ Толстымъ типовъ изъ великосвѣтской среды нельзя найти другое лицо, которое было бы такъ предуготовлено къ „сліянію сословій“, какъ именно Облонскій *).

Говоря такъ, я имѣю, пока, въ виду не фактическое сліяніе, которое есть дѣло будущаго, хотя уже и начатое, а только устраненіе тѣхъ перегородокъ изъ всевозможныхъ предрасудковъ, изъ классовыхъ, сословныхъ, профессиональныхъ, національныхъ и расовыхъ антипатій, которыя раздѣляютъ людей и мѣшаютъ имъ понимать и оцѣнивать другъ друга по человѣчеству.

Выше мы указали на то, что для Облонскаго устраненіе этихъ „перегородокъ“ было прежде всего дѣломъ внутренней, психологической необходимости, вытекающей изъ требованій сбереженія душевныхъ силъ, и обусловливалось импульсами социальнопсихологическаго приспособленія. Разсматриваемый исключительно съ этой точки зрѣнія, Облонскій является лишь характернымъ образчикомъ того, что можно назвать житейскимъ и душевнымъ оппортунизмомъ. Но вотъ теперь, основываясь на только что приведенныхъ данныхъ, мы имѣемъ возможность отмѣтить въ Облонскомъ присутствіе другого фактора—*этического*, дѣйствующаго все въ томъ же направленіи—устраненія „перегородокъ“ и замѣны междучеловѣческихъ предрасудковъ и антипатій болѣе гуманнымъ укладомъ духа.

*) Братъ Левина, Николай, въ данномъ случаѣ въ счетъ не идетъ. Онъ представляетъ явленіе въ великосвѣтскомъ кругу исключительное, и, раньше своего „опрощенія“, онъ вышелъ изъ своей среды по другимъ причинамъ.

Продолжительное дѣйствіе „перегородокъ“ и ими обусловленных негуманныхъ отношеній препятствуетъ развитію той въ высокой степени благодѣтельной умственной силы, которая называется *симпатическимъ воображеніемъ*. На этой силѣ основано сочувствіе и пониманіе человѣка человѣкомъ, и она по праву должна быть признана явленіемъ *этическимъ* по преимуществу. Умѣть мысленно поставить себя на мѣсто другого, войти въ его положеніе, живо представить себѣ его внутренній міръ и этимъ открыть себѣ дорогу къ сочувствію—вотъ то, что, при наличности социальныхъ перегородокъ и ихъ дѣйствій изъ поколѣнія въ поколѣніе, въ сильной степени атрофируется у людей и становится доступнымъ имъ только въ узкихъ предѣлахъ класса, сословія, круга, а съ другой стороны,—искажается расовыми и національными предрасудками и антипатіями.

У Облонскаго мы замѣчаемъ живое *симпатическое воображеніе* и вытекающую изъ него способность пониманія и сочувствія. Это одна изъ основныхъ и бросающихся въ глаза чертъ его натуры. Съ нею, между прочимъ, связана его извѣстная тактичность, умѣніе щадить самолюбіе другихъ, его несомнѣнная, почти изысканная душевная деликатность. Оттуда же и его роль наперсника и повѣреннаго интимныхъ дѣлъ, горестей и радостей другихъ лицъ. Таковы, какъ извѣстно, его отношенія къ Левину, который, при всей своей замкнутости, охотно посвящаетъ Степана Аркадьевича въ свой внутренній міръ, куда онъ не допустилъ бы никого другого. Вспомнимъ также его отношенія къ Аннѣ, его посредничество между нею и Каренинымъ. Здѣсь между прочимъ проглядываетъ какъ бы намекъ на то, что Облонскій принимаетъ такое участіе въ этомъ дѣлѣ не столько въ силу родственныхъ связей, сколько въ силу непосредственныхъ внушеній своей доброй натуры, которая не можетъ не сочувствовать другимъ въ ихъ горестяхъ. Вообще въ своихъ отношеніяхъ къ людямъ онъ невольно становится какъ бы участникомъ ихъ интимной, душевной жизни. Онъ легко заражается настроеніями другихъ.

Припомнимъ нѣкоторыя мѣста, гдѣ эта черта Облонскаго наиболѣе ярко обрисована.

„Проводивъ княгиню Бетси... Степанъ Аркадьевичъ пошелъ къ сестрѣ. Онъ засталъ ее въ слезахъ. *Несмотря на то брызжущее весельемъ расположеніе духа, въ которомъ онъ находился, Степанъ Аркадьевичъ тотчасъ естественно перешелъ въ тотъ сочувствующій, поэтически-возбужденный тонъ, который подходилъ къ ея настроенію*“. Анна говоритъ о мужѣ, который ей ненавистенъ, указываетъ на безвыходность своего положенія и т. д. „И мнѣ ничего не остается, кромѣ...“ Она хотѣла сказать — смерти, но Сте-

панъ Аркадьевичъ не далъ ей договорить. „Ты больна и раздражена,—сказалъ онъ,—повѣрь, что ты преувеличиваешь ужасно. Тутъ нѣтъ ничего такого страшнаго“. И Степанъ Аркадьевичъ улыбнулся. Никто бы на мѣстѣ Степана Аркадьевича, имѣя дѣло съ такимъ отчаяніемъ, не позволилъ себѣ улыбнуться (улыбка показалась бы грубою), но въ его улыбкѣ было такъ много доброты и почти женской нѣжности, что улыбка его не оскорбляла, но смягчала и успокаивала. Его тихія и успокоительныя рѣчи и улыбки дѣйствовали смягчающе-успокоительно, какъ миндальное масло. И Анна почувствовала это“ (т. II, ч. IV, гл. XXI). О той же чудодѣйственной улыбкѣ Степана Аркадьевича говорится и ниже, въ слѣдующей главѣ, XXII-й, гдѣ Облонскій старается склонить Каренина къ разводу, мысль о которомъ онъ уже внушилъ Аннѣ. „Если ты хочешь знать мое мнѣніе,—сказалъ Степанъ Аркадьевичъ (на вопросъ Каренина: „какой же выходъ изъ нашего положенія?“) съ тою же смягчающею, миндально-нѣжною улыбкой, съ которою онъ говорилъ съ Анной. Добрая улыбка была такъ убѣдительна, что невольно Алексѣй Александровичъ, чувствуя свою слабость и подчиняясь ей, готовъ былъ вѣрить тому, что скажетъ Степанъ Аркадьевичъ.

Умѣнье входить въ положеніе другихъ и вытекающая оттуда тонкая душевная деликатность и тактъ составляютъ одну изъ основныхъ чертъ натуры Облонскаго, и нѣтъ сомнѣнія, что проявленія этой черты у него не ограничены предѣлами того круга, въ которомъ онъ по преимуществу вращается, гдѣ онъ „свой человѣкъ“. Перенесенный въ другую сферу, онъ и тамъ останется все тѣмъ же тактичнымъ, добрымъ, сочувствующимъ человѣкомъ. Выводя на сцену Облонскаго, Толстой зачастую обращаетъ наше вниманіе на эту столь характерную для него особенность, на этотъ душевный тактъ, проявляющійся въ массѣ мелочей повседневнаго обихода *).

III.

Представленіе объ Облонскомъ, составленное изъ чертъ, которыя мы выше сгруппировали и старались освѣтить, могло бы привести къ зачисленію этого типа въ разрядъ скорѣе положительныхъ, чѣмъ отрицательныхъ. Но есть и другая сторона медали. Въ натурѣ Облонскаго мы находимъ еще иныя черты, въ значительной степени ограничивающія благопріятное представленіе о немъ и не позволяющія намъ, въ послѣднемъ счетѣ, при-

*) Укажу, напр., на соотвѣтственные мѣста въ главахъ: XIV-й II-й части и IX-й IV-й части.

числить Облонскаго къ тѣмъ типамъ, которые по праву и въ тѣсномъ смыслѣ могутъ быть названы „положительными“.

На первый взглядъ, важнѣйшая особенность натуры Облонскаго, искажающая его хорошія стороны, не дающая имъ возможности развиться, это—столь извѣстная *легкость, поверхностность* Степана Аркадьевича. Мы только что отбѣнили тотъ *даръ сочувствія*, которымъ такъ выгодно отличается Облонскій, а теперь мы скажемъ, что этотъ цѣнный даръ остается у него какъ бы мертвымъ душевнымъ капиталомъ. Его душа открыта всѣмъ сочувствіямъ, всѣмъ состраданіямъ, но ни одно изъ этихъ движеній души не получаетъ у него достаточной силы, не овладѣваетъ его чувствомъ и его мыслью такъ, чтобы его общій и обычный тонъ души, хоть на время, измѣнился сколько-нибудь замѣтнымъ образомъ. Можно даже сказать, что у Облонскаго совсѣмъ и нѣтъ душевныхъ „движеній“ въ собственномъ смыслѣ, а есть только мимолетныя настроенія, которыя быстро и легко стираются и уносятся первыми случайными впечатлѣніями, а главное — утопаютъ въ томъ неизсякаемомъ потокѣ безпричинной жизнерадостности, который образуетъ основной психическій фонъ натуры Облонскаго.

Наша задача не можетъ ограничиться, конечно, простымъ указаніемъ на фактъ, на то, что Облонскій—человѣкъ легкій, неглубокій. Нужно освѣтить фактъ, и—главное — нужно выяснить его значеніе въ составѣ художественнаго образа Облонскаго, какъ психологическаго и бытоваго типа.

Сперва припомнимъ, какъ изображена Толстымъ эта сторона натуры Облонскаго. Для нашей цѣли достаточно будетъ нѣсколькихъ образчиковъ.

Въ главѣ XVIII-й I-й части, въ томъ мѣстѣ, гдѣ рѣчь идетъ о впечатлѣніи, произведенномъ на Анну и другихъ трагической смертью желѣзнодорожнаго сторожа, задавленнаго поѣздомъ, мы видимъ, что Степанъ Аркадьевичъ болѣе другихъ потрясенъ этимъ ужаснымъ происшествіемъ. „Облонскій и Вронскій оба видѣли обезображенный трупъ. *Облонскій видимо страдалъ.* Онъ морщился и, казалось, готовъ былъ плакать. „Ахъ, какой ужасъ! Ахъ, Анна, если бы ты видѣла! Ахъ, какой ужасъ!“—приговаривалъ онъ. Совершенно иначе реагируетъ на эти впечатлѣнія Вронскій; онъ „молчалъ, и красивое лицо его было серьезно, но совершенно спокойно“. Онъ уходитъ, чтобы передать 200 рублей вдовѣ убитаго. „Когда онъ возвратился черезъ нѣсколько минутъ, *Степанъ Аркадьевичъ уже разговаривалъ съ графиней о новой пьесѣ...*“ Сцена очень характерна для Облонскаго. Эту живо сть воспріятія тяжелаго впечатлѣнія и эту легкость перехода къ обычному душевному тону мы наблюдаемъ у Степана Аркадьевича.

веча во многихъ мѣстахъ романа. Такъ, послѣ разговора съ Каренинымъ (на тему о необходимости развода—въ уже цитированномъ выше мѣстѣ, ч. IV, гл. XXII) Облонскій съ чрезвычайной быстротою и легкостью переходитъ отъ приподнятаго и взволнованнаго сочувствіемъ и состраданіемъ состоянія души къ своему обычному беззаботно-радостному настроенію: „Когда Степанъ Аркадьевичъ вышелъ изъ комнаты зятя, онъ былъ тронутъ, но это не мѣшало ему быть довольнымъ тѣмъ, что онъ успѣшно совершилъ это дѣло, такъ какъ онъ былъ увѣренъ, что Алексѣй Александровичъ не отречется отъ своихъ словъ. Къ этому удовольствію примѣшивалось еще и то, что ему пришла мысль, что когда это дѣло сдѣлается, онъ женѣ и близкимъ знакомымъ будетъ задавать вопросъ: какая разница между мною и фельдмаршаломъ?—фельдмаршалъ дѣлаетъ разводъ—и никому оттого не лучше, а я сдѣлалъ разводъ—и троимъ стало лучше... Или: какое сходство между мной и фельдмаршаломъ? Когда... Впрочемъ, придумаю лучше,—сказалъ онъ себѣ съ улыбкой“.

Личныя огорченія, какъ бы они ни были тягостны, не проникаютъ далеко въ глубь души Степана Аркадьевича и образуютъ только какъ бы верхній слой душевной атмосферы, сквозь который то и дѣло пробиваются брызги и искры обычнаго беззаботно-жизнерадостнаго тона, составляющаго основной и ничѣмъ непоколебимый пластъ психическаго уклада Облонскаго. Какъ ни огорченъ, какъ ни смущенъ и пристыженъ Степанъ Аркадьевичъ во время ссоры съ женою (рассказанной въ первыхъ главахъ романа),—онъ никакъ не можетъ всецѣло подчиниться гнету этихъ тягостныхъ душевныхъ состояній, и ему даже приходится прилагать нѣкоторое усиліе къ тому, чтобы не забыть своего огорченія, чтобы не перестать думать о непріятной исторіи. Выслушивая упреки жены, онъ умоляетъ о прощеніи и плакалъ, скверно у него на душѣ, и онъ даже не видитъ выхода изъ этого тяжелаго положенія; Долли рѣшительно не хочетъ простить и помириться. „Пускай всѣ знаютъ, что вы подлець!—кричитъ она, — я уѣзжаю нынче, а вы живите здѣсь со своею любовницей!“ И она вышла, хлопнувъ дверью. Степанъ Аркадьевичъ вздохнулъ, отеръ лицо и тихими шагами пошелъ изъ комнаты. „Матвѣй говоритъ: образуется; но какъ? Я не вижу даже возможности. Ахъ, ахъ, какой ужасъ!“ Выйдя въ столовую, онъ увидѣлъ часовщика-нѣмца, который заводилъ часы. Степанъ Аркадьевичъ вспомнилъ свою шутку объ этомъ аккуратномъ илѣшивомъ часовщикѣ, что нѣмецъ „самъ былъ завсденъ на всю жизнь, чтобы заводилъ часы“,—и улыбнулся. Степанъ Аркадьевичъ любилъ хорошую шутку. „А можетъ быть и образу ется!

Хорошо словечко: „образуется“,—подумалъ онъ.—Это надо разсказать“ (ч. I, гл. IV). Нѣсколько выше, въ главѣ III-ей, мы видимъ Степана Аркадьевича виноватымъ, пристыженнымъ и смущеннымъ предстоящимъ объясненіемъ съ женою. Но все это не мѣшаетъ ему съ большимъ аппетитомъ выпить двѣ чашки кофе, съѣсть калачъ съ масломъ и, по заведенному порядку, прочесть газету; продѣлавъ все это, онъ „радостно улыбнулся, не отъ того, чтобъ у него на душѣ было что-нибудь особенно пріятное, — *радостную улыбку вызвало хорошее пищевареніе*, — но эта радостная улыбка сейчасъ же напомнила ему все, и онъ задумался“.

Улыбка составляетъ постоянный атрибутъ Степана Аркадьевича. Онъ — „человѣкъ, который улыбается“ — то сочувственно-сострадательно, то беззаботно-весело. Въ данномъ случаѣ, этотъ „атрибутъ“ сыгралъ съ нимъ плохую шутку, послуживъ главной причиной того, что разладъ съ женою затянулся такъ долго. Когда предательская записка открыла женѣ его измѣну, то произошло слѣдующее; „Вмѣсто того, чтобъ оскорбиться, отрекаться, оправдываться, просить прощенія, оставаться даже равнодушнымъ—все было бы лучше того, что онъ сдѣлалъ:—его лицо совершенно невольно, — рефлексъ головного мозга“, — подумалъ Степанъ Аркадьевичъ)... вдругъ улыбнулось привычною, доброю и потому глупою улыбкою. Эту глупую улыбку онъ не могъ простить себѣ. Увидавъ эту улыбку, Долли вздрогнула какъ отъ физической боли, разразилась, со свойственною ей горячностью, потокомъ жестокихъ словъ и выбѣжала изъ комнаты. Съ тѣхъ поръ она не хотѣла видѣть мужа. „Всею виной эта глупая улыбка“, — думалъ Степанъ Аркадьевичъ (ч. I, гл. I).

Вспоминая эти сцены въ „Присутствіи“, гдѣ Степанъ Аркадьевичъ состоитъ предсѣдателемъ, онъ опять не можетъ удержаться отъ юмористическаго настроенія, вызваннаго контрастомъ его служебнаго положенія съ положеніемъ провинившагося мужа. „Если бъ они (подчиненные) знали“ — думалъ онъ, съ значительнымъ видомъ склонивъ голову при слушаніи доклада, — какимъ виноватымъ мальчикомъ полчаса тому назадъ былъ ихъ предсѣдатель! „—И глаза его смѣялись при чтеніи доклада“ (ч. I, гл. V).

Очевидно, въ душевной организаціи Степана Аркадьевича есть какой-то тормозъ, препятствующій распространенію душевной боли. Этимъ тормозомъ служить у него *избытокъ жизнерадостности*. Онъ слишкомъ жизнерадостенъ, чтобы глубоко и долго чувствовать душевную боль, отъ чего бы она ни происходила, — отъ личныхъ ли невзгодъ и огорченій, или отъ столь доступнаго ему чувства состраданія. Гипнозъ въ жизни производитъ въ душѣ Облонскаго очень сильную анестезію. Оттого ему недоступенъ цѣ-

лый порядокъ чувствъ, преимущественно тѣхъ, которыя по существу противорѣчаютъ принципу жизни, каковы: уныніе, отчаяніе, глубокая скорбь, пессимистическія настроенія и т. д. По той же причинѣ чужды Облонскому и чувства или стремленія религіознаго порядка, помыслы о смерти, о загробной жизни, все, что отвлекаетъ человѣка отъ земного существованія и переноситъ въ сферу сверхчувственного. Къ мистическому у Степана Аркадьевича—почти органическое отвращеніе. Мы знаемъ, что Степанъ Аркадьевичъ „не могъ вынести безъ боли въ ногахъ даже короткаго молебна и не могъ понять, къ чему всѣ эти страшныя и высокопарныя слова о томъ свѣтѣ, когда и на этомъ жить было бы очень весело“ (ч. I, гл. III). Въ особенности ярко обрисована эта черта въ пзвѣстной сценѣ, гдѣ Степанъ Аркадьевичъ присутствуетъ на „сеансѣ“ у графини Лидіи Ивановны, и гдѣ ясновидецъ Landau долженъ разрѣшить сомнѣнія Каренина по вопросу о разводѣ. „Степанъ Аркадьевичъ чувствовалъ, что у него въ головѣ становится все болѣе и болѣе нехорошо“. На его счастье, ясновидецъ потребовалъ его удаленія,—и „Степанъ Аркадьевичъ, забывъ и о томъ, что онъ хотѣлъ просить Лидію Ивановну, забывъ и о дѣлѣ сестры, съ однимъ желаніемъ поскорѣе выбратъся отсюда, вышелъ на ципочкахъ и, какъ изъ зараженнаго дома, выбѣжалъ на улицу и долго разговаривалъ и шутилъ съ извозчикомъ, желая привести себя поскорѣе въ чувства“ (т. III, ч. VII, гл. XXII).

Степану Аркадьевичу органически претитъ все, что такъ или иначе противорѣчитъ праздничному настроенію жизни. Поэтому, на-ряду со всѣмъ мистическимъ, загробнымъ, заунывнымъ и мрачнымъ, онъ не выноситъ всего того, что нарушаетъ ровное, пріятное, свѣтлое теченіе жизни,—онъ не терпитъ дразгъ, ссоръ, разлада, ему тягостны всякія противорѣчія, какихъ не мало въ жизни. Вспомнимъ здѣсь, какъ отнесся онъ къ факту семейнаго раздора Карениныхъ. „Алексѣй Александровичъ думалъ тотчасъ стать въ тѣ холодныя отношенія, въ которыхъ онъ долженъ былъ быть съ братомъ жены, противъ которой онъ начиналъ дѣло развода, *но онъ не рѣсчитывалъ на то море добродушія, которое выливалось изъ береговъ въ душу Степана Аркадьевича*“. Каренинъ отказывается отъ обѣда у Облонскихъ и мотивируетъ отказъ тѣмъ, что онъ „начинаетъ дѣло о разводѣ“. „Но Алексѣй Александровичъ еще не успѣлъ окончить своей рѣчи, какъ Степанъ Аркадьевичъ уже поступилъ совсѣмъ не такъ, какъ онъ ожидалъ: Степанъ Аркадьевичъ охнулъ и сѣлъ въ кресло. „Нѣтъ, Алексѣй Александровичъ, что ты говоришь!“—вскрикнулъ Облонскій, и страданіе выразилось на его лицѣ“ (т. II, ч. IV, гл. VIII).

Близжайшей и главнѣйшей причиною его страданія въ дан-

номъ случаѣ является самый фактъ разлада въ жизни близкихъ ему людей. Такъ же точно, въ той трагикомической исторіи, которая разыгралась въ его собственной семейной жизни, онъ испытываетъ душевную боль вовсе не отъ признанія своей вины (въ глубинѣ души онъ и не считаетъ себя виновнымъ), а оттого только, что произошла ссора, что Долли сердится слишкомъ долго, что въ его домѣ „все смѣшалось“. И этотъ казусъ тѣмъ огорчительнѣе для него, что тутъ явственно обнаружилось внутреннее противорѣчіе его жизни, по необходимости превращающееся въ вопросъ, надъ которымъ приходится задумываться, который нужно такъ или иначе рѣшить. И вотъ какъ онъ въ интимной бесѣдѣ съ Левинымъ высказывается по этому „вопросу“, проясняя столь для него характерную наивную непосредственность: „Что жъ дѣлать, ты мнѣ скажи, что дѣлать? Жена старѣется, а ты полонъ жизни. Ты не успѣешь оглянуться, какъ уже чувствуешь, что ты не можешь любить любовью жену, какъ бы ты ни уважалъ ее. А тутъ вдругъ подвернется любовь,—и пропасть, пропасть!“—съ унылымъ отчаяніемъ проговорилъ Степанъ Аркадьевичъ“ (ч. I, гл. XI).

Группируя эти черты, мы вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчаемъ, что онѣ легко объединяются и имъ можно подвести общій итогъ.

Этотъ итогъ не можетъ, конечно, быть только повтореніемъ того, что говоритъ каждое слагаемое. Онъ получается путемъ сведенія всѣхъ этихъ слагаемыхъ къ особому душевному началу, въ которомъ всѣ они найдутъ достаточное психологическое обоснованіе. Таковымъ представляется мнѣ то самое, о чемъ мы говорили въ началѣ главы. Это именно—*внутренняя потребность экономіи душевныхъ силъ*. Тамъ мы указали на эту потребность, какъ на главную пружину, которая затормозила развитіе у Облонскаго великосвѣтской психологической формы: послѣдняя потребовала бы отъ него слишкомъ большой траты душевныхъ силъ. Вотъ именно къ той же необходимости психической экономіи сводятся и тѣ слагаемыя, о которыхъ мы теперь ведемъ рѣчь.

Облонскій—натура весьма доступная сочувствію и состраданію, но отдаться этимъ чувствамъ онъ не можетъ подъ опасеніемъ выйти изъ душевнаго бюджета. Это было бы ему не по средствамъ. И та легкость, съ которою онъ отъ искренняго и живого состраданія переходитъ къ своему обычному беззаботно-веселому настроенію, есть не что иное, какъ дѣйствіе безсознательнаго стремленія къ самосохраненію, къ соблюденію душевнаго баланса. Болѣе глубокое, болѣе серьезное и продолжительное состраданіе было бы для Степана Аркадьевича тратой душевныхъ силъ—не по средствамъ. Облонскій, далѣе, натура не приспособ-

собою к жизни, взятой со стороны ея внутренних противорѣчій, вопросовъ и всякаго разлада: противорѣчія требуютъ примиренія, вопросы — размышленія и рѣшенія, разладъ ведетъ къ усложненіямъ въ жизни,—и все это означаетъ все ту же трату и противорѣчить требованіямъ душевной экономіи. Наконецъ, заинтересоваться вопросами религіи, проявить нѣкоторое стремленіе къ мистическому, прислушиваться къ „страшнымъ словамъ“ о загробной жизни и т. д., это было бы для Облонскаго совершенно-непростительной расточительностью. Такъ же точно было бы для него расточительностью, и при томъ ужъ совсѣмъ бесплодною, если бы онъ вдругъ принялся ломать голову надъ тѣми вопросами, которые далеко выходятъ за предѣлы повседневнаго житейскаго обихода, напр., надъ вопросами политики, нравственности, науки, искусства. Въ этихъ областяхъ для Степана Аркадьевича нѣтъ другого пути, какъ принять безъ провѣрки готовыя рѣшенія и шаблонныя, наиболѣе распространенныя взгляды,—что онъ и дѣлаетъ.

Нашъ итогъ гласитъ: Степанъ Аркадьевичъ Облонскій, это—законченный типъ средняго, нормальнаго человѣка, которому не дано много душевныхъ силъ, и который поэтому инстинктивно воздерживается отъ излишней ихъ затраты.

Въ своей интимной душевной жизни, которая, въ ея повседневномъ обиходѣ, есть по преимуществу трата силъ, люди этого типа безсознательно ведутъ отличную душевную бухгалтерію, словно изъ чувства самосохраненія избѣгая тратить больше того, что имъ дано. Но имъ дано весьма немного, и при всей экономіи они легко могли бы обанкротиться, если бы у нихъ не было соотвѣтственнаго „прихода“,—притока душевныхъ силъ изъ общества, изъ социальныхъ возбужденій, изъ общенія съ другими. Поболтать съ пріятелемъ, побывать въ обществѣ, въ клубѣ, обмѣняться новостями, сплетнями и т. д.—вотъ то, что ихъ освѣжаетъ, восстанавливаетъ ихъ душевныя силы. Это люди социальной стихіи по преимуществу. Ни искусство, ни философія, ни наука, ни даже религія,—эти могущественные аккумуляторы и разсадники психической энергіи,—не могутъ для нихъ служить источникомъ душевнаго обновленія. Такимъ источникомъ служить имъ только то, что можно назвать „социальнымъ треніемъ“. Оттуда—необходимость для нихъ имѣть ту социально-психологическую форму, которая наилучше приспособлена, при данныхъ условіяхъ, къ возможно-широкому общенію. Таковою для Облонскаго является форма общедворянская, какъ переходная ступень къ другой, еще болѣе удобной и эластичной—*общебуржуазной*.

Д. Овсяннико-Кулиновскій.

Л. Н. Толстой, какъ художникъ.

Глава III.

Алексѣй Александровичъ Каренинъ.

I.

Внимательный и вдумчивый читатель, который, перечитывая „Анну Каренину“, не только слѣдитъ за фабулою, но вникаетъ въ самый способъ изображенія, въ психологію дѣйствующихъ лицъ, такой читатель, полагаю, согласится со мною въ томъ, что есть замѣтная разница между психологическимъ анализомъ натуры и душевныхъ состояній Каренина, съ одной стороны, и психологическимъ анализомъ другихъ лицъ, преимущественно представителей великосвѣтской формы разныхъ оттѣнковъ. Когда Толстой рисуетъ и анализируетъ Вронскаго, Левина, Облонскаго, Львова, женщинъ высшаго круга,—мы чувствуемъ, что онъ здѣсь—у себя дома, что эти натуры, при всѣхъ ихъ индивидуальных особенностяхъ, при всемъ различіи въ отношеніяхъ къ нимъ автора, психологически сродни ему, конечно, не какъ личности *), а какъ представители того класса, къ которому, по рожденію, по воспитанію, по укоренившимся и трудно-истребимымъ привычкамъ душевнаго обихода, принадлежитъ самъ авторъ. Толстой всегда мастерски изображалъ великосвѣтскіе типы и съ поражающей вѣрностію, съ изумительной глубиною раскрывалъ психологію разнообразныхъ натуръ, объединяющихся общностью „аристократической“ классовой формы въ ея различныхъ оттѣнкахъ, ступеняхъ и переходахъ. Въ этой области Толстой достигалъ вершинъ художественнаго творчества, блистательно выполняя высшую задачу искусства — *„художественно искать человека и раскрывать*

*) Кромѣ Левина.

его душу: *великосвѣтскій* человекъ художественно найденъ и психологически раскрытъ и объясненъ Толстымъ, во всѣхъ изгибахъ и отбѣнкахъ его психики. Это—та высота творчества, на которой художественный образъ, въ самомъ дѣлѣ, становится настоящимъ „человѣческимъ документомъ“, которымъ мы можемъ пользоваться какъ своего рода научнымъ открытіемъ; на этихъ верхахъ творчества искусство и наука сходятся: художественный типъ равносильнъ, въ смыслѣ *гомолога*, научному обобщенію. Столь высокимъ художественнымъ достоинствомъ великосвѣтскіе типы Толстого обязаны *не исключительно* тому, что Толстой — великій художникъ, а въ значительной мѣрѣ именно вышеуказанному психологическому сродству художника съ міромъ его героевъ. Мнѣ приходилось уже говорить о томъ, что художественный гений Толстого отмѣченъ явственнымъ отпечаткомъ *субъективности* творчества, понимаемой въ томъ смыслѣ, что художникъ для своихъ лучшихъ созданій находитъ матеріаль, отправныя точки или уголь художественнаго зрѣнія въ своемъ собственномъ внутреннемъ опытѣ, въ *самонаблюденіи* *). Такой художникъ сильнѣе всего въ изображеніи натуръ, такъ или иначе близкихъ или сродственныхъ его собственной натурѣ. И вотъ у Толстого на первомъ планѣ и являются образы, въ которыхъ онъ воспроизводитъ либо прямо себя самого (Иртеньевъ, Оленинъ, Левинъ), либо лицъ своего круга и вообще представителей великосвѣтской среды (Болконскій, Безуховъ, Вронскій, Облонскій и мн. др.). Въ послѣднихъ субъективное основаніе творчества простирается только на психологію классовой формы; психологія же личности выходитъ за его предѣлы и опирается уже не на внутреннемъ опытѣ, не на самонаблюденіи, а на объективныхъ наблюденіяхъ различныхъ натуръ. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ Толстой является здѣсь (напр., въ изображеніи натуръ и характеровъ Болконскаго-отца, князя Андрея, Безухова, Вронскаго и др.) художникомъ *объективнымъ*. Но, какъ извѣстно, въ произведеніяхъ Толстого мы находимъ и другой рядъ образовъ, взятыхъ совсѣмъ изъ иной среды; здѣсь онъ уже не могъ черпать изъ себя и долженъ былъ творить сплошь какъ художникъ-наблюдатель.

Эти образы можно раздѣлить на двѣ группы: 1) фигуры изъ низшихъ классовъ (мужики, солдаты, казаки) и 2) фигуры изъ тѣхъ слоевъ общества, которыхъ классовая психологія рѣзко расходится съ великосвѣтской (интеллигенты-разночинцы, чиновники). Въ изображеніи первыхъ Толстой является великимъ художникомъ не меньше, чѣмъ въ изображеніи великосвѣтскихъ

*) См. „І. Н. Толстой, какъ художникъ“, вып. I, стр. 3 и сл.

типовъ (вспомнимъ народные типы въ „Казакахъ“ и Каратаева); въ воспроизведеніи вторыхъ уже не виденъ великій художникъ, а виденъ только большой мастеръ рисунка и психологическаго анализа, причемъ среди этого мастерства нетрудно подслушать иной разъ не совсѣмъ вѣрныя и даже совсѣмъ невѣрныя ноты, замѣтитъ неправильныя обобщенія.

Вообще здѣсь нѣтъ того глубокаго проникновенія въ натуру человѣческую, той вѣрности взгляда и того художественнаго ясно-видѣнія, какими отмѣчены субъективныя (въ тѣсномъ и въ обширномъ смыслѣ) созданія Толстого, и также образы изъ низшихъ слоевъ. Не помню, кто первый сказалъ, что Толстой, какъ художникъ, *понимаетъ* или цѣнитъ только „аристократовъ“ и мужиковъ, а все, что посерединѣ, ему чуждо. Это замѣчаніе очень мѣтко и въ своей основѣ вѣрно, но оно слишкомъ рѣзко и категорично. Нельзя утверждать, что художественному пониманію Толстого *вполнѣ* чуждо все, что не вмѣщается въ психологію великосвѣтскую съ одной стороны и въ мужицкую съ другой: ему, напр., доступно, какъ немногимъ нашимъ художникамъ, пониманіе *національной* русской психологіи (вспомнимъ Кутузова и опять-таки Каратаева); укажемъ далѣе на галерею *женскихъ* типовъ, интересъ которыхъ, конечно, не ограничивается классовой психологіей; вспомнимъ также превосходныя эпизодическія фигуры офицеровъ (не изъ „аристократовъ“) въ „Войнѣ и мирѣ“ (напр., кап. Тушина и др.). Но за такими ограниченіями и оговорками мы присоединяемся къ мнѣнію, что въ общемъ психологія среднихъ круговъ общества, въ особенности психологія „интеллигенціи“ въ собственномъ смыслѣ, въ разработкѣ чего такимъ мастеромъ былъ Тургеневъ, мало доступна художественному воспріятію и сочувствію Толстого, и что въ этой области онъ не далъ *человѣческихъ документовъ*, равносильныхъ тѣмъ, какіе онъ далъ намъ въ сферахъ великосвѣтской и крестьянской.

Вотъ именно съ этой-то точки зрѣнія и любопытно проанализировать *Каренина*, котораго нельзя причислить къ типамъ великосвѣтскимъ. Онъ, конечно, стоитъ на высшихъ ступеняхъ общественной лѣсницы и связанъ съ великосвѣтскимъ кругомъ, но это связи чисто внѣшнія: со стороны психологіи классовой формы мы не находимъ у него типичныхъ чертъ „аристократа“. Взамѣнъ того онъ щедро (м. б. слишкомъ щедро) надѣленъ чертами (и едва ли строго-типичными) высшаго чиновника, сановника, служебнаго дѣятеля. Если онъ и не представитель того средняго круга, который такъ мало цѣнится Толстымъ, то онъ зато *человѣкъ* того чиновнаго, бюрократическаго склада, который цѣнится Толстымъ еще меньше. Въ лицѣ Каренина Толстой впервые при-

нялся за тщательное изученіе и художественное воспроизведеніе натуры этого рода. Единственнымъ прецедентомъ Каренина въ творчествѣ Толстого была фигура *Сперанскаго* въ „Войнѣ и мирѣ“, но она эпизодична и психологически не разработана. Въ томъ, какъ изображенъ Сперанскій, мы прежде всего видимъ выраженіе скептическаго взгляда Толстого на дѣятелей этого рода и на самую ихъ дѣятельность. Сперанскій развѣнчанъ, но вѣдь онъ— историческое лицо, и очень крупное, а потому изображеніе Толстого ничуть не мѣшаетъ читателю отдѣлять образъ этого дѣятеля, нарисованный Толстымъ, отъ того представленія о немъ, какое могло сложиться у читателя на основаніи историческихъ источниковъ. Но и помимо того, даже въ изображеніи Толстого, эта историческая личность выходитъ по-своему значительной. Она окружена ореоломъ обаянія, какое она призводитъ въ первое время даже на умнаго и самостоятельнаго князя Андрея. Толстой старается разрушить этотъ ореолъ, но у читателя все-таки остается впечатлѣніе, что ореолъ былъ, а кромѣ того читателю предоставлена еще возможность думать, что Толстой этого ореола не разрушилъ.

Теперь передъ нами аналогичная фигура высшаго дѣятеля государственной службы, сановника, не меньше Сперанскаго увѣреннаго въ своемъ призваніи, въ важности и плодотворности своей дѣятельности. Но эта фигура уже не приурочена къ историческому имени, не окружена ореоломъ и, если можно такъ выразиться, цѣликомъ отдана въ жертву отрицанія Толстого: она беззащитна передъ нимъ, и Толстому ничего не стоитъ съ его обычнымъ искусствомъ анализа развѣнчать этого человѣка и представить его натуру служебнаго дѣятеля и сановника какъ родъ извращенія человѣческой природы. Въ этомъ направленіи, несомнѣнно, и поведенъ анализъ Каренина, на этомъ отрицаніи и построенъ онъ. Но однако этимъ дѣло не ограничилось. Въ изображеніи или, лучше сказать, въ *разслѣдованіи* Каренина явственно сказывается желаніе Толстого быть справедливымъ, истинно художническое стремленіе понять данную натуру, открыть въ ней ея подлинную человѣчность. Вникая въ то, какъ изображенъ, какъ изслѣдованъ Каренинъ, мы замѣчаемъ *усилія* художника открыть въ этой „министерской машинѣ“ настоящаго человѣка, а рядомъ намъ бросается въ глаза *предвзятость* отрицанія, на которомъ построенъ образъ Каренина,—и все вмѣстѣ даетъ въ результатъ вышеупомянутую значительную разницу между изображеніемъ этого лица и изображеніемъ другихъ: Каренинъ, какъ образъ, производитъ на насъ впечатлѣніе не художественнаго созданія въ собственномъ смыслѣ, а только болѣе или менѣе искуснаго— и искусственнаго—беллетристическаго построения.

Для обоснованія этого вывода необходимо рассмотреть въ последовательномъ порядкѣ важнѣйшія, относящіяся къ Каренину, мѣста романа.

II.

Впервые выведенъ Каренинъ въ гл. XXXI-ой I-ой части. Онъ встрѣчаетъ на вокзалѣ жену, возвратившуюся изъ Москвы. Нѣсколько бѣглыхъ замѣчаній о наружности Каренина, его манерѣ держать себя и говорить, о впечатлѣніи, которое онъ произвелъ на Вронскаго, пріѣхавшаго съ тѣмъ же поѣздомъ, уже предрасполагаютъ насъ къ ожиданію, что этого человѣка Толстой не пощадитъ. Мы узнаемъ здѣсь о походкѣ Алексѣя Александровича, „ворочавшаго всѣмъ тазомъ и тупыми ногами“, о его „холодной самоувѣренности“, о его манерѣ говорить, отчеканивая слова, „какъ рублемъ даря каждымъ словомъ“. Ближе знакомимся мы съ нимъ въ гл. XXXIII-ей (той же части). Здѣсь даны нѣкоторыя черты, характеризующія дѣловитость и служебное честолюбіе Каренина. Мы узнаемъ, что „каждая минута жизни Алексѣя Александровича была занята и распредѣлена“, и что его девизомъ было „безъ поспѣшности и безъ отдыха“. Онъ весь ушелъ въ свою дѣятельность и поглощенъ интересами службы. Съ „самодовольной улыбкою“ рассказываетъ онъ Аннѣ о своихъ успѣхахъ: онъ блестяще провелъ въ совѣтѣ новое положеніе, и ему сдѣлали по этому случаю овацію. Не лишентъ значенія для характеристики Каренина также его отзывъ о Стивѣ Облонскомъ. Выслушавъ рассказъ Анны, онъ говоритъ: „Я не полагаю, чтобы можно было извинить такого человѣка, хотя онъ и твой братъ“. Эти слова и строгій тонъ, съ какимъ они сказаны, должны были, — говорить Толстой, — „показать, что соображенія родства не могутъ остановить его въ высказываніи своего искренняго мнѣнія“. Черта, можетъ быть, мелкая, но мы ее отмѣчаемъ здѣсь потому, что она, вмѣстѣ съ другими подобными, является свидѣтельствомъ о стремленіи Толстого быть справедливымъ къ Каренину. Не лишено значенія и то, какъ отнеслась Анна къ приведенному отзыву мужа о ея братѣ. Ей *понравилось* это откровенное и нелицепріятное выраженіе Каренинымъ его мнѣнія: „она знала эту черту въ своемъ мужѣ и любила ее“. Далѣе, въ той же главѣ любопытны свѣдѣнія о многосторонней начитанности, о политическихъ, философскихъ, богословскихъ, литературныхъ интересахъ Каренина. Онъ за всѣмъ слѣдитъ, все читаетъ. Черта почтенная, но тутъ замѣшана и одна „слабость“, къ которой Анна относится съ улыбкой снисхожденія. Дѣло въ томъ, что въ вопросахъ политики,

философiи, богословія Алексѣй Александровичъ „сомнѣвался и отыскивалъ“, „но въ вопросахъ искусства и поэзіи, въ особенности музыки, пониманія которой онъ былъ совершенно лишенъ, у него были самыя опредѣленныя, твердыя мнѣнія...“ Подобная слабость (имѣть опредѣленныя, твердыя мнѣнія въ областяхъ, пониманіе которыхъ не доступно или мало доступно данному лицу) встрѣчается не рѣдко, но для Каренина, какъ художественнаго образа, какъ типа, я не считалъ бы эту черту существенною. Если она нужна для того только, чтобы Каренинъ вышелъ по возможности „сухимъ“, исключительно дѣловымъ человѣкомъ, которому многое человѣческое чуждо, въ томъ числѣ и искусство, то это пріемъ слишкомъ рутинный, и не Толстому бы прибѣгать къ нему. Да и въ дальнѣйшемъ эта черта не утилизируется (кромѣ, можетъ быть, одного мѣста, о которомъ—ниже), и изъ всего, что мы узнаемъ о Каренинѣ, изъ общаго представленія о немъ, складывающагося у насъ по прочтеніи романа, мы не можемъ вывести мнѣнія, чтобы непониманіе искусства было чертою, существенною для натуры Каренина, чтобы оно довершало его характеристику. Ниже мы вернемся къ этому.

Въ общемъ, на основаніи данныхъ главы XXXIII-ей, мы выносимъ представленіе о Каренинѣ, совпадающее съ отзывомъ о немъ Анны: „Все-таки (т. е. несмотря на дѣловую, служебную исключительность) онъ хорошій человѣкъ, правдивый, добрый и замѣчательный въ своей сферѣ...“ Такъ говоритъ сама себѣ Анна, „какъ бы защищая его передъ кѣмъ-то, кто обвинялъ его и говорилъ, что его нельзя любить“. Такъ скажемъ и мы, какъ бы защищая его передъ Толстымъ, который въ дальнѣйшемъ употребляетъ слишкомъ замѣтныя усилія, чтобы внушить намъ взглядъ на Каренина, какъ на человѣка, въ которомъ все человѣческое извращено призрачною жизнью бюрократа.

Переходимъ къ VIII-ой главѣ II-ой части. Здѣсь воспроизведенъ тотъ моментъ, когда Каренинъ впервые обезпокоивается насчетъ отношеній Анны къ Вронскому, и когда въ немъ зарождается тревожная мысль о томъ, что вѣдь Анна можетъ влюбиться, и что изъ этого выйдетъ. Онъ рѣшилъ поговорить съ женой серьезно, предостеречь ее. И вотъ Толстой старается какъ можно обстоятельнѣе разяснить намъ всю затруднительность положенія Каренина, обусловленную будто бы не только силою обстоятельствъ, которыя и для всякаго другого были бы не менѣе трудны, но также и особенностями душевной организаціи Алексѣя Александровича. Не трудно видѣть однако, что въ данномъ случаѣ никакая другая душевная организація не помогла бы дѣлу. Молодая, страстная, жаждущая любви женщина, красавица, еще не испы-

тавшая первой любви, вышедшая замужъ за человѣка пожилого, котораго она только „уважала“, начинаетъ увлекаться молодымъ, красивымъ, блестящимъ человѣкомъ, страстно въ нее влюбленнымъ. Таково положеніе: нѣтъ никакой надобности быть завзятымъ бюрократомъ, „министерской машиною“, чтобы не умѣть изъ него выйти.

Но Толстой все-таки настаиваетъ на томъ, что исключительная, отрѣшенная отъ жизни, душевная организація Каренина увеличивала трудность положенія. Можетъ быть, и увеличивала, но это увеличеніе подобное тому, какое имѣетъ мѣсто, если, напр., въ море влить кувшинъ воды. Но послушаемъ, что говоритъ объ этомъ Толстой въ указанной главѣ: „Алексѣй Александровичъ стоялъ лицомъ къ лицу предъ жизнью, предъ возможностью въ его женѣ любви къ кому-нибудь, кромѣ него, и *это казалось ему очень безтолковымъ и непонятнымъ, потому, что это была сама жизнь.* Всю жизнь свою Алексѣй Александровичъ прожилъ и проработалъ въ сферахъ, *имѣющихъ дѣло съ отраженіями жизни,* и каждый разъ, когда онъ сталкивался съ самой жизнью, онъ отстранялся отъ нея. Теперь онъ испытывалъ чувство, подобное тому, какое испыталъ бы человѣкъ, спокойно прошедшій надъ пропастью по мосту и вдругъ увидавшій, что этотъ мостъ разобранъ, и что тамъ пучина. Пучина эта была сама жизнь, мостъ—та искусственная жизнь, которую прожилъ Алексѣй Александровичъ. Ему въ первый разъ пришли вопросы о возможности для его жены полюбить кого-нибудь, и онъ ужаснулся предъ этимъ“. Въ этихъ словахъ видно стараніе во что бы ни стало пріурочить къ дѣлу „бюрократическую натуру“ Каренина, и вмѣстѣ съ тѣмъ тутъ еще замѣшано одно недоразумѣніе. Это именно утвержденіе, будто тѣ сферы, къ которымъ принадлежитъ Каренинъ, имѣютъ дѣло не съ жизнью, а только съ „отраженіями жизни“. Если бы рѣчь шла, напр., объ ученыхъ и философахъ, погруженныхъ въ научныя и философскія изысканія и чуждыхъ всякой иной дѣятельности, кромѣ работы мысли, то я бы согласился, что передъ нами люди, имѣющіе дѣло не съ жизнью, а только съ отраженіями жизни въ научно-философскихъ понятіяхъ. И, дѣйствительно, зачастую умы этого рода, при столкновеніи съ настоящею жизнью, оказываются наивными и безпомощными, какъ младенцы. Но вѣдь А. А. Каренинъ—не мыслитель, отдѣленный отъ дѣйствительности, онъ—практическій дѣятель, стоящій лицомъ къ лицу съ текущими вопросами государственной и общественной жизни. Можетъ быть, онъ понимаетъ ихъ и относится къ нимъ не такъ, какъ хотѣлъ бы Толстой... Это другое дѣло. Но какъ бы онъ ни относился къ подлежащимъ его вѣдѣнію вопросамъ жизни,—

во всякомъ случаѣ это не имѣетъ никакого значенія въ данномъ вопросѣ, въ вопросѣ личной и семейной жизни Каренина.

Въ разсматриваемой главѣ явственно сказывается априорное построение слѣдующаго рода: Каренинъ — бюрократъ отъ головы до пятокъ, слѣдовательно, нужно въ данномъ случаѣ обнаружить его бюрократическую натуру и показать, какъ она безпомощна и ничтожна при столкновеніи съ „настоящею жизнью“. Задавшись такой программой, Толстой заставляетъ Каренина проявлять свою бюрократическую натуру и таковой же складъ мышленія въ тѣхъ рѣшеніяхъ, къ которымъ онъ приходитъ, обдумывая свое положеніе. Первое, что приходитъ ему въ голову,—это необходимость „высказать“ Аннѣ „свой взглядъ и свое рѣшеніе“. Тутъ же мы узнаемъ, что Каренинъ не ревнивъ и держится убѣжденія, что ревность оскорбляетъ жену и къ женѣ должно имѣть довѣріе“. „Эта черта высокой нравственной цѣнности, для обладанія которой нѣтъ надобности быть непременно бюрократомъ, повидимому приведена, однако, съ цѣлью отгнать натуру Каренина въ томъ смыслѣ, что всѣ силы души, всѣ интересы этого человѣка, всѣ страсти, какія въ немъ есть, ушли въ службу, въ карьеру. Только здѣсь, въ сферѣ служебныхъ отношеній, онъ можетъ быть и ревнивъ, и завистливъ, и гордъ, и самолюбивъ, семейныя же отношенія, интимный міръ жены, ея женская натура, сынъ и его дѣтскій мірокъ—все это мало интересуетъ его, не вызываетъ въ немъ страстнаго отношенія, не составляетъ какъ бы части его духовнаго существа и является только какъ „обстановка“ его жизни. Теперь впервые пришлось ему заглянуть въ этотъ „департаментъ“ и произвести, такъ сказать, „ревизію дѣлъ“, которая тамъ шла своимъ порядкомъ. Послѣ безплоднаго ломанія головы надъ тѣмъ, что нужно сдѣлать, что именно высказать и въ какой формѣ, Каренинъ невольно обращается мыслью къ запущенному департаменту, и вотъ тутъ-то „мысли его вдругъ измѣнились“. Онѣ соскочили съ рельсовъ бюрократическихъ формъ („обдумать“, „высказать свой взглядъ и рѣшеніе“, „отбросить“) и попали въ колею столь недоступной Каренину психологической постановки. Здѣсь читаемъ слѣдующее: „Онъ сталъ думать о ней (Аннѣ). о томъ, что она думаетъ и чувствуетъ. Онъ впервые живо представилъ себѣ ея личную жизнь, ея мысли, ея желанія, и мысль, что у нея можетъ быть и должна быть своя особенная жизнь, показалась ему такъ страшна, что онъ поспѣшилъ отогнать ее. Это была та пучина, куда ему страшно было заглянуть. *Переноситься мыслью и существомъ въ другое существо было душевное дѣйствіе, чуждое Александру Александровичу. Онъ считалъ это душевное дѣйствіе вреднымъ и опаснымъ фантазерствомъ*“. Под-

черкнутыя нами слова, это — именно то самое мѣсто, которое представляется намъ въ связи съ вышеприведеннымъ указаніемъ на то, что натурѣ Каренина чужда поэзія и недоступно пониманіе искусства. Искусство и есть та творческая дѣятельность воображенія, въ силу которой мы „переносимся мыслью и чувствомъ въ другое существо“. И тотъ, кто къ этому неспособенъ по самой натурѣ своей, не сумѣетъ дѣлать это и вслѣдъ за художникомъ: онъ не будетъ понимать искусства. Это совершенно вѣрно, но спрашивается, насколько эта черта типична для Каренина, и связывается ли она съ бюрократизмомъ? Въ представленіи Толстого (едва ли можно сомнѣваться въ этомъ) эта связь существуетъ и представляется ему психологически-необходимою или, по крайней мѣрѣ, характерною: Каренинъ — бюрократъ, человѣкъ, отрѣшенный отъ подлинной жизни и ея не понимающій, и съ этимъ, по мысли Толстого, вполне гармонируютъ недоступность искусства Каренину и его неспособность входить во внутренній міръ другихъ. Но это идея ложная. Бюрократизмъ тутъ не при чемъ. Какъ пониманіе искусства, такъ и умѣніе входить въ интимный, душевный міръ другихъ основаны на дѣйствіи *симпатическаго воображенія*. Всѣ мы въ большей или меньшей мѣрѣ надѣлены имъ отъ природы, но у всѣхъ насъ оно такъ или иначе ограничивается различными воздѣйствіями, для него неблагоприятными. Больше всего ограничивается оно 1) черствостью, эгоистичностью натуры; 2) слабостью умственныхъ силъ (симпатическое воображеніе есть только разновидность воображенія вообще, а послѣднее — одна изъ важнѣйшихъ силъ или функцій ума: у идиота не можетъ быть симпатическаго воображенія); 3) расовыми, національными, классовыми, профессиональными перегородками, которыя ограничиваютъ дѣятельность симпатическаго воображенія, такъ сказать, въ пространствѣ *). Каренинъ, какъ мы узнаемъ изъ дальнѣйшаго, далеко не черствъ и не эгоистъ въ той исключительной мѣрѣ, какая нужна для парализаціи симпатическаго воображенія; мы увидимъ, что онъ даже очень чувствителенъ и отзывчивъ на страданія другихъ; въ умственномъ отношеніи онъ далеко не ограниченъ и скорѣе стоитъ выше средняго уровня; о его расовыхъ, національных, классовыхъ антипатіяхъ или предразсудкахъ намъ ничего неизвѣстно, и мы, судя по общему впечатлѣнію, скорѣе склонны думать, что ихъ нѣтъ у него. Остается только профессиональная перегородка —

*) Сколько у насъ, къ сожалѣнію, есть людей, которые тонко и сочувственно понимаютъ душевный міръ ближняго, но только подъ условіемъ, чтобы „этотъ ближній не былъ (для однихъ) нѣмецъ, (для другихъ) полякъ, (для третьихъ) еврей, для иныхъ — человѣкъ другого класса и т. д.

бюрократическая, но она, какъ и большинство другихъ профессиональныхъ, ограничиваетъ дѣйствіе симпатическаго воображенія далеко не такъ сильно, какъ это дѣлають перегородки расовыя, національныя и нѣкоторыя классовыя. На почвѣ всѣхъ такихъ психологическихъ формъ, разъединяющихъ людей, легко возникаютъ, какъ это слишкомъ хорошо извѣстно, трудно искоренимыя антипатіи, стихійная вражда, бессмысленная ненависть, а это и есть тотъ замокъ, которымъ наглухо замыкаются души человѣческія, даже такія, что иначе могли бы быть широко раскрыты для всякаго пониманія, для всякаго сочувствія.

Но пойдемъ дальше. Толстой отказываетъ Каренину въ способности „переноситься мыслью и чувствомъ въ другое существо“ очевидно для того только, чтобы Каренинъ вышелъ законченнымъ типомъ чиновнаго дѣльца, сановника, формалиста, который весь ушелъ въ бумаги и за бумагами ничего не видитъ. Съ тою же цѣлью Толстой заставляетъ его „считать это душевное дѣйствіе вреднымъ и опаснымъ фантазерствомъ“. Если бы это относилось только къ служебной практикѣ Каренина, къ его отношеніямъ къ подчиненнымъ, просителямъ и т. д., то никакихъ возраженій и недоумѣній это не вызывало бы у насъ. Но Толстой заставляетъ Каренина быть *такимъ* въ его частной жизни, въ отношеніи къ женѣ. Вотъ онъ только что, какъ мы видѣли, задумался надъ тѣмъ, что думаетъ и чувствуетъ Анна. Передъ нимъ задача со многими неизвѣстными, и онъ даже не пытается разрѣшить ее. Если душа жены для него — настоящія потемки, то, скажемъ мы, это легко объясняется разницей натуръ, лѣтъ, интересовъ. Но мы скажемъ еще, что гораздо правдоподобнѣе было бы дѣло, если бы художникъ представилъ намъ Каренина воображающимъ, что онъ отлично знаетъ душевный міръ Анны и читаетъ тамъ, какъ по писанному. Такое самообольщеніе было бы для Каренина гораздо типичнѣе.

„Я долженъ обдумать, рѣшить и отбросить“ — вотъ все, къ чему послѣ всѣхъ попытокъ проникнуть въ душевный міръ жены приходитъ Каренинъ, точно онъ на своемъ министерскомъ креслѣ, и передъ нимъ дѣло за № такимъ-то. Прочтемъ еще слѣдующее: „Вопросы о ея чувствахъ, о томъ, что дѣлалось и можетъ дѣлаться въ ея душѣ,—это не мое дѣло, это дѣло ея совѣсти и подлежить религіи,“—сказалъ онъ себѣ, *чувствуя облегченіе при сознаніи, что найденъ тотъ отдѣлъ узаконеній, которому подлежало возникшее обстоятельство*“.

Подчеркнутыя мною слова явно отзываются каррикатурою, но, повидимому, они сказаны серьезно и имѣють цѣлью отмѣтить психологическую черту, которая представляется Толстому въ вы-

сокой степени характерною для Каренина. Странное впечатлѣніе производитъ это внесеніе каррикатуры, хотя бы и не намѣренной, въ серьезный психологическій анализъ,—тѣмъ болѣе странное, что въ данномъ мѣстѣ затронуть мотивъ, имѣющій несомнѣнное значеніе. Ходъ мыслей Каренина дѣйствительно долженъ былъ привести его къ такой постановкѣ вопроса: то, что Анна переживаетъ въ данное время, это—дѣло ея совѣсти, а слѣдовательно, по существу, не подлежитъ вмѣшательству другого человѣка, хотя бы и самаго близкаго ей; вѣдь нельзя насильно заставить чужую совѣсть заговорить, если она молчитъ. Но для человѣка религіознаго, какимъ представленъ Каренинъ, въ подобныхъ случаяхъ сама собою напрашивается мысль обратиться къ авторитету религіи (предполагая, конечно, религіозность самой Анны). И если при такомъ оборотѣ мыслей Каренинъ могъ почувствовать нѣкоторое облегченіе, то оно явилось, конечно, вовсе не потому, что „найденъ“ соотвѣтственный „отдѣлъ узаконеній“, а скорѣе въ силу присущаго всѣмъ вѣрующимъ убѣжденія въ магической власти религіи надъ совѣстью человѣка; но помимо того для вѣрующаго всякое обращеніе къ религіи, въ трудныхъ, даже совсѣмъ непоправимыхъ обстоятельствахъ, всегда приноситъ нѣкоторое облегченіе. Толстой, однако, ограничивается упоминаніемъ этого мотива, не разрабатывая его; но зато онъ слишкомъ ужъ усердно разрабатываетъ другой мотивъ—то каррикатурное изображеніе натуры сухого, можно сказать, тупого, законника и формалиста, на которое мы только что указали. Каренинъ приходитъ къ рѣшенію, что совѣсть—совѣстью, и религія пусть свое дѣло дѣлаетъ, а онъ, какъ глава семьи, обязанъ „предостеречь“, „указать опасность“, „даже употребить власть“. И вотъ въ его головѣ складывается рѣчь, которую онъ скажетъ Аннѣ, „складывается ясно и отчетливо, какъ докладъ“. Опять—каррикатурная черта, соотвѣтственно которой дается и программа самой рѣчи: „Я долженъ сказать и высказать слѣдующее: во-первыхъ, объясненіе значенія общественнаго мнѣнія и приличія; во-вторыхъ, религіозное объясненіе значенія брака; въ-третьихъ, если нужно, указаніе на могущее произойти несчастье для сына; въ-четвертыхъ, указаніе на ея собственное несчастье“.

Весь этотъ анализъ или, лучше сказать, все *построеніе* Каренина въ разсматриваемой главѣ было бы рѣшительно недостойно Толстого, если бы дѣло не было въ значительной мѣрѣ исправлено въ слѣдующей главѣ, IX-ой, гдѣ прекрасно проведено самое объясненіе между супругами. Здѣсь Каренинъ обнаруживается вовсе не такимъ, какъ мы ожидали бы на основаніи вышеизложеннаго: это уже не сухой законникъ, не чиновная мумія, это—

добрый и искренній человѣкъ, который не читаетъ „доклада“, не произносить заготовленной рѣчи, а говорить просто и задушевно то, что всякій другой сказалъ бы на его мѣстѣ, если только этотъ другой, подобно ему, не ревнивъ, какъ Отелло, не глупо-подозрителенъ и предпочитаетъ прежде всего дѣйствовать словомъ убѣжденія. Но любопытно здѣсь то, что *съ внѣшней стороны* „программа“ рѣчи, изложенная въ предыдущей главѣ, все-таки выдержана: Каренинъ говоритъ Аннѣ и о „законахъ приличія“, и о томъ, что ихъ жизнь связана не людьми, а Богомъ, и разорвать эту связь было бы преступленіемъ („религіозное объясненіе значенія брака“), и о несчастіи для семьи, для сына. Все, повидимому, есть, какъ было начертано въ программѣ,—одного только нѣтъ—утрированного духа сухой формалистики, представленнаго въ нарочито-карикатурномъ видѣ. И, между прочимъ, вышеуказанный шаржъ главы VIII-ой, именно то мѣсто, гдѣ сказано, что Каренинъ почувствовалъ облегченіе, найдя въ религіи соотвѣтственный „отдѣлъ узаконеній“, обезвреживается или исправляется здѣсь слѣдующими словами Каренина: „... Копаясь въ душѣ своей, мы часто выкапываемъ такое, что тамъ лежало бы незамѣтно. Твои чувства—это дѣло твоей совѣсти; но я обязанъ предъ тобою, предъ собою и предъ Богомъ указать тебѣ твои обязанности... Я люблю тебя. Но я говорю не о себѣ; главные лица тутъ—нашъ сынъ и ты сама... Очень можетъ быть, повторяю, тебѣ покажутся совершенно напрасными и неумѣстными мои слова; можетъ быть, они вызваны моимъ заблужденіемъ. Въ такомъ случаѣ, я прошу тебя извинить меня. Но если ты сама чувствуешь, что есть хоть малѣйшія основанія, то я тебя прошу подумать и, если сердце тебѣ говоритъ, высказать мнѣ...“

Во всемъ этомъ не видать того „бюрократа“, котораго мы ожидали встрѣтить. Но мало того: въ главѣ IX-ой не только исправлены шаржи главы VIII-ой, но еще одно существенное показаніе этой послѣдней рѣшительно опровергнуто здѣсь. На основаніи главы VIII-ой мы должны думать, что душа Анны для ея мужа—terra incognita, что ему совершенно чуждо все, что тамъ происходитъ, что между супругами нѣтъ душевныхъ связей. Теперь мы узнаемъ нѣчто, прямо противорѣчащее этому. „Духъ лжи“ такъ овладѣлъ Анной (въ сценѣ объясненія съ мужемъ), что въ ея репликахъ, въ ея стараніи уклониться отъ объясненія посторонній человѣкъ не замѣтилъ бы ничего неестественнаго; чтобы это замѣтить, нужно было знать ее такъ, *„какъ зналъ мужъ“*... „для него, знавшаго ее, знавшаго, что, когда онъ ложился пятью минутами позже, она замѣчала и спрашивала о причинѣ, для него, знавшаго, что всякія свои радости, веселье, горе она тотчасъ со-

общала ему, для него теперь — видѣть, что она не хотѣла замѣчать его состоянія, что она не хотѣла ни слова сказать о себѣ — означало многое. Онъ видѣлъ, что глубина ея души, всегда прежде открытая предъ нимъ, была закрыта отъ него“...

Здѣсь противорѣчіе не словъ, какое часто бываетъ, а въ самой сущности дѣла. На основаніи только что приведеннаго мѣста мы съ полнымъ правомъ заключаемъ, что душевный міръ Анны для Каренина былъ вовсе не *terra incognita*, не заколдованное царство, куда онъ не проникалъ ни мыслью, ни чувствомъ, и гдѣ все было ему чуждо, невѣдомо, непонятно. Нѣтъ, онъ хорошо зналъ свою жену, она была съ нимъ вполне откровенна, она дѣлилась съ нимъ всеми своими радостями и печалями, ему была открыта „глубина ея души“. Какъ же примирить съ этимъ то, что сказано въ главѣ VIII-ой: „Онъ впервые живо представилъ себѣ ея личную жизнь, ея мысли, ея желанія?...“ Да вѣдь, оказывается, онъ отлично зналъ все это. Личная жизнь Анны, по свидѣтельству главы VIII-ой, это — „та пучина, куда ему страшно было заглянуть“; теперь, въ главѣ IX-ой, мы узнаемъ, что „глубина души“ Анны всегда „была открыта предъ нимъ“...

„Истина“, по всей вѣроятности, скрывается посрединѣ между этими крайностями: Каренинъ хорошо зналъ характеръ жены, складъ ея ума, уровень ея образованія, ея вкусы, привычки, слабости и т. д., но едва ли онъ, всецѣло погруженный въ служебную дѣятельность, могъ проникать въ глубину ея души, и, конечно, онъ и не подозревалъ, что въ этой глубинѣ таились сдержанные, дремлющіе до поры до времени силы страстной женской натуры, жаждущей любви и счастья.

III.

Переходимъ къ XXVI-ой главѣ той же II-ой части.

Каренинъ еще не знаетъ объ измѣнѣ жены, онъ еще не имѣетъ „не только доказательствъ, но и подозрѣній“, и тѣмъ не менѣе „въ глубинѣ души онъ уже зналъ несомнѣнно, что онъ былъ обманутый мужъ, и былъ отъ этого глубоко несчастливъ“. Послѣ неудавшагося объясненія съ Анной онъ замкнулся въ себѣ и установилъ тѣ холодныя отношенія къ ней, психологія которыхъ весьма удачно намѣчена слѣдующими чертами: „Ты не хотѣла объясниться со мной,—какъ будто говорилъ онъ, мысленно обращаясь къ ней,—тѣмъ хуже для тебя. Теперь уже ты будешь просить меня, а я не стану объясняться. Тѣмъ хуже для тебя,—говорилъ онъ мысленно, какъ человѣкъ, который бы тщетно попытался потушить пожаръ, разсердился бы на свои тщетныя уси-

лія и сказалъ бы: такъ нѣ же тебѣ! такъ сгоришь за это!“.— Мнѣ кажется, это очень удачно угадано и представляется вполне естественнымъ для человѣка, отъ природы не ревниваго, не пылающаго страстной любовью къ женѣ, наконецъ, для человѣка, важнѣйшіе жизненные интересы котораго не въ семьѣ, а внѣ ея, въ служебной дѣятельности. Этотъ человѣкъ обиженъ, оскорбленъ, встревоженъ, видитъ свое безсиліе предотвратить бѣду, и ему ничего не остается больше, какъ замкнуться въ себѣ, затаить въ душѣ свое горе и — молчать. Къ этому, разумѣется, примѣшиваются и чувства досады, озлобленія, оскорбленнаго самолюбія, — и мотивъ „такъ нѣ же тебѣ, такъ сгоришь за это!“ совершенно понятенъ. Но вотъ что не понятно: непосредственно вслѣдъ за приведенными словами Толстой говорить: „Онъ, *этотъ умный и тонкій въ служебныхъ дѣлахъ* человѣкъ, не понималъ *всего безумія* такого отношенія къ женѣ“. При чемъ тутъ умъ и тонкость въ служебныхъ дѣлахъ? И почему данное отношеніе Каренина къ женѣ нужно считать безуміемъ? Развѣ всякое другое хоть сколько-нибудь помогло бы ему въ данномъ случаѣ? Развѣ, при иной тактикѣ возможно предположить благопріятный исходъ для мужа, который сталъ физически и всячески противенъ женѣ, отдавшей другому? Вспомнимъ, что рассматриваемая глава относится къ тому времени, когда любовь Анны и Вронскаго была въ своемъ апогеѣ, и когда въ душѣ Анны возникло непреодолимое, нестерпимое чувство отвращенія къ мужу. Но, быть можетъ, если бы Каренинъ прибѣгъ къ бурнымъ сценамъ ревности и являлъ бы зрѣлище полнаго отчаянія, обнаруживалъ рѣшимость, цѣною чего бы то ни было, не уступать жены другому, — то это польстило бы женскому тщеславію Анны и вызвало бы въ ней какія-нибудь чувства, благопріятныя для мужа, напримѣръ, чисто-женское чувство какъ бы благодарности за столь пылкую и самоотверженную любовь, или, можетъ быть, чувство жалости *). Но, безъ всякаго сомнѣнія, это ничуть не помогло бы дѣлу. Смѣшонъ былъ бы Аниѣ этотъ сановникъ въ роли Отелло, и въ лучшемъ случаѣ она бы бросила его безъ тѣхъ чувствъ стихійной злобы и пристрастной ненависти, какія взяли верхъ въ душѣ Анны въ виду кажущагося спокойствія Каренина и его хлопотъ о соблюденіи приличій.

Въ той же главѣ дано слѣдующее поясненіе, почему Каренинъ не понималъ всего „безумія“ вышеуказаннаго отношенія

*) Вспомнимъ слова или мысли Анны въ главѣ XXVIII-ой (той же II-ой части): „...что же онъ чувствуетъ, если можетъ такъ спокойно говорить? Убей онъ меня, убей онъ Вронскаго, я бы уважала его. Но нѣтъ: ему нужны только ложь и приличіе...“

къ женѣ: „Онъ не понималъ этого потому, что ему было слишкомъ страшно понять свое настоящее положеніе, и онъ въ душѣ своей закрылъ, заперъ и запечаталъ тотъ ящикъ, въ которомъ у него находились его чувства къ семьѣ, т. е. къ женѣ и сыну...“

Онъ сталъ холоденъ даже къ сыну... Онъ, далѣе, „ничего не хотѣлъ думать о поведеніи и чувствахъ своей жены и, *дѣйствительно, онъ объ этомъ ничего не думалъ...*“ — Послѣднее (что онъ *дѣйствительно* не думалъ) представляется психологически мало вѣроятнымъ: онъ могъ перестать ломать голову надъ вопросомъ: что дѣлать, какъ выйти изъ бѣды, но вообще не думать о ней едва ли онъ могъ; вѣдь онъ продолжалъ живо *чувствовать* свое несчастіе, а это чувство должно было непременно вызывать въ сознаніи соотвѣтственныя мысли; онъ могъ стараться отгонять ихъ, но, конечно, онѣ возвращались. Важнѣйшимъ средствомъ отгонять ихъ было усиленное занятіе служебными дѣлами. Онъ говорилъ, что никогда у него не было столько дѣла, какъ теперь, „но онъ не сознавалъ того, что самъ выдумывалъ себѣ въ нынѣшнемъ году дѣла, что это было одно изъ средствъ не открывать того ящика, гдѣ лежали чувства къ женѣ и семьѣ и мысли о нихъ, и которыя дѣлались тѣмъ страшнѣе, чѣмъ дольше они тамъ лежали“. Все это мѣсто было бы въ психологическомъ отношеніи безупречно, если бы усилія Каренина „не думать“, забыться въ водоворотѣ текущихъ дѣлъ, были представлены *какъ тщетныя*. Затаенное горе, подавленные скорбныя мысли, глубокое невысказанное, нераздѣленное чувство обиды должны были давить на сознаніе, на мысль тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе они были затаены, чѣмъ глубже запрятаны, чѣмъ менѣе высказаны.

Теперь у насъ на очереди одно изъ важнѣйшихъ мѣстъ въ анализѣ и построеніи Каренина, именно глава XIII-я III-й части. Послѣ извѣстной сцены на скачкахъ и признанія Анны въ невѣрности Каренинъ, обдумывая свое положеніе и тщательно взвѣсивая разныя соображенія pro и contra того или иного выхода (дуэль, разводъ), приходитъ къ заключенію, что наилучшимъ исходомъ было бы сохраненіе statu quo, т. е. продолженіе, хотя бы только внѣшнее, прежней семейной жизни, при условіи, разумѣется, чтобы Анна отказалась отъ любовника, соблюдала всѣ правила свѣтскихъ приличій, и чтобы эпизодъ съ Вронскимъ былъ забытъ, не получивъ огласки. Такимъ исходомъ, какъ ему казалось, достигалось бы то, чѣмъ онъ всего больше дорожилъ: сохраненіе заведеннаго порядка жизни; съ тѣмъ вмѣстѣ онъ избавлялся отъ опасности стать притчей во языцѣхъ, мишенью для

нападокъ враговъ; всякій другой исходъ (въ особенности разводъ) послужилъ бы поводомъ „для клеветы и униженія его высокаго положенія въ свѣтѣ“. Остановившись на этомъ рѣшеніи, онъ почти успокоился, и, „обдумывая дальнѣйшія подробности“, онъ „не видѣлъ даже, почему его отношенія къ женѣ не могли оставаться такія же почти, какъ и прежде“.

„Да, пройдетъ время, все устрояющее время, и отношенія возобновятся прежнія,—думаетъ онъ, — т. е. возобновятся въ такой степени, что я не буду чувствовать разстройства въ теченіи своей жизни. Она (Анна) должна быть несчастлива, но я не виноватъ, и потому не могу быть несчастливъ“. Такой оборотъ приняли мысли Каренина, конечно, потому, что это человѣкъ, весь смыслъ жизни и всѣ захватывающіе интересы котораго — внѣ семьи, въ его служебной дѣятельности и карьерѣ; семья же для него — только часть обстановки, и *настоящихъ человеческихъ чувствъ* мужа, отца, семьянина — у него нѣтъ. Ему и въ голову не приходитъ, что женѣ будетъ нестерпимо — тошно жить съ нимъ, что ихъ жизнь будетъ ложна, фальшива и несчастлива для обоихъ... Но построя Каренина въ этомъ духѣ, Толстой, конечно, чувствовалъ, что это выходитъ ужъ слишкомъ деревянный, *человѣкъ*, и что ограничиться такой постановкой вопроса, такой слишкомъ упрощенной психологіей нельзя. Оттуда — попытка найти у Каренина тайныя, для него самого неясныя или совсѣмъ не сознаваемыя имъ душевныя движенія, которыя внушаютъ ему данное рѣшеніе, независимо отъ вышеприведенныхъ сознательныхъ соображеній. Это, во-первыхъ, *чувство озлобленія* противъ жены и *желаніе мести*: „...въ душѣ Алексѣя Александровича, несмотря на полное, теперь, какъ ему казалось, презрительное равнодушіе къ женѣ, оставалось въ отношеніи къ ней одно чувство — нежеланіе того, чтобъ она безпрепятственно могла соединиться съ Вронскимъ, чтобы преступленіе ея было для нея выгодно. Одна мысль эта такъ раздражала Алексѣя Александровича, что, только представивъ себѣ это, онъ замычалъ отъ внутренней боли...“ И далѣе: чувство ревности, которымъ онъ мучился раньше, до признанія Анны, теперь „замѣнилось другимъ, — желаніемъ, чтобъ она не только не торжествовала, но получила возмездіе за свое преступленіе. Онъ не признавалъ этого чувства, но въ глубинѣ души ему хотѣлось, чтобъ она пострадала за нарушеніе его спокойствія и чести“. Вотъ, стало быть, одинъ изъ скрытыхъ мотивовъ, заставившихъ Каренина отвергнуть все, что „бросало его жену въ объятія любовника“, т. е. разводъ, какъ формальный, такъ и не формальный. Дуэль отвергается на основаніи разныхъ соображеній: Каренинъ въ принципѣ противъ

этого варварскаго обычая, да и друзья его не допустить, „чтобы жизнь государственнаго человѣка, нужнаго Россіи, подвергалась опасности“. Все это доводы достаточно сильные, но и тутъ, помимо ихъ и сильнѣе ихъ, дѣйствовалъ скрытый мотивъ: Каренинъ смертельно боялся всякаго оружія, и одна мысль о пистолетѣ, направленномъ на него, повергала его въ страхъ и трепеть. Толстой не говоритъ намъ, что Каренинъ былъ малодушный трусъ и боялся смерти. Онъ говоритъ только о трусости передъ оружіемъ, въ особенности огнестрѣльнымъ. Это, мнѣ кажется, лучшее мѣсто въ разсматриваемой главѣ, и не даромъ Толстой съ нѣкоторой обстоятельностью изображаетъ это чувство спеціальнаго страха. Наблюденіе, безспорно, вѣрное: люди боятся не столько самой смерти, сколько тѣхъ или иныхъ способовъ лишиться жизни. Есть люди, совсѣмъ не боящіеся умереть, но содрагающіеся при одной мысли о возможности, напримѣръ, утонуть. Для другихъ перспектива быть убитымъ пулею ничуть не страшна, но въ то же время они не могутъ безъ ужаса представить себя съ перерѣзаннымъ горломъ. Что Каренинъ могъ быть „трусомъ всякаго оружія“ (если можно такъ выразиться), — это весьма похоже на правду, хотя строго типичнымъ признано быть не можетъ.

Итакъ, помимо всякихъ стремленій къ соблюденію приличій, къ устраненію огласки и скандала, къ удержанію прежняго „теченія жизни“ и т. д., мотивы злобы и мести, мотивъ боязни оружія — сами по себѣ были достаточны для того, чтобы Каренинъ отказался отъ мысли о разводѣ и о дуэли и остановился на известномъ намъ рѣшеніи. Эти мотивы и то стремленіе къ сохраненію *statu quo* дѣйствовали въ одномъ и томъ же направленіи. Все вмѣстѣ построено весьма искусно, но мы, читая эту главу, не находимъ въ себѣ той непоколебимой увѣренности, что иначе и не могло быть, къ которой приучилъ насъ Толстой анализомъ своихъ лучшихъ созданій. Мы могли бы ожидать здѣсь изображенія того глубокаго потрясенія, какое несомнѣнно долженъ былъ испытать Каренинъ, когда услышалъ изъ устъ Анны роковое признаніе. Мы не считаемъ счастливою находкой то сравненіе, къ которому прибѣгаетъ въ этомъ случаѣ Толстой. Онъ говоритъ, что, услышавъ признаніе Анны, Каренинъ „испытывалъ чувство человѣка, выдернувшаго долго болѣвшій зубъ. Послѣ страшной боли и ощущенія чего-то огромнаго, больше самой головы, вытягиваемаго изъ челюсти, больной вдругъ, не вѣря еще своему счастью, чувствуетъ, что не существуетъ болѣе того, что такъ долго отравляло его жизнь...“ *Теперь, послѣ признанія, „боль прошла“, и—„онъ чувствовалъ, что можетъ опять жить и*

думать не объ одной женѣ“ *). Сравненіе представляется неподходящимъ и, какъ таковое, даетъ ложное освѣщеніе дѣлу. *Страшной боли*, сколько мы знаемъ, не было до признанія: было только гнетущее чувство неизвѣстности, и облегченіе, какое могло явиться послѣ выясненія истины, было только то относительное, больше кажущееся, чѣмъ дѣйствительное, облегченіе, которое обыкновенно ощущается, когда мы, такъ или иначе, хотя бы къ худшему, выходимъ изъ томительной неизвѣстности. Теперь положеніе выяснилось, и всѣ догадки, подозрѣнія, сомнѣнія отпали, все это бремя неудобноносимое снято съ души, и потому чувствуется нѣкоторое облегченіе. Но, въ существѣ дѣла, это облегченіе того же рода, какое испытываетъ человѣкъ, находящійся подъ страхомъ смертнаго приговора и томящійся долго въ неизвѣстности, выйдетъ ли помилованіе, или нѣтъ; наконецъ онъ узнаетъ, что помилованіе не дано, и ему предстоитъ умереть. Выходъ изъ томленія неизвѣстности вызываетъ въ душѣ нѣкоторую иллюзію облегченія; но эта иллюзія сейчасъ же тонетъ въ новомъ душевномъ страданіи, въ ужасѣ и страшной тоскѣ безнадёжности. Нельзя тутъ прибѣгать къ сравненію съ зубной болью...

Надъ человѣкомъ разразилась бѣда—изъ числа тѣхъ, что переворачиваютъ всю жизнь. Муки сомнѣній, муки ожиданія и слабой надежды прошли, но ударъ ошеломилъ его самой своей несомнѣнностью, — и долго не можетъ человѣкъ придти въ себя, примириться съ фактомъ, и способенъ только машинально исполнять обряды жизни и обязанности своей профессіи. Такъ должно бы случиться и съ Каренинымъ. Онъ могъ бы предаться тѣмъ размышленіямъ, которыя изложены въ разсмотрѣнной главѣ, только по прошествіи нѣкотораго времени,—Толстой же, самъ введенный въ заблужденіе невольно подвернувшимся неудачнымъ сравненіемъ съ выдернутымъ зубомъ, заставляетъ Каренина предаваться всѣмъ этимъ размышленіямъ и соображеніямъ pro и contra развода, дуэли и т. д. тутъ же, въ каретѣ, въ которой онъ слышалъ признаніе Анны, и въ которой, высадивъ жену на дачѣ, онъ возвращается въ Петербургъ. А вернувшись, онъ пишетъ Аннѣ извѣстное письмо, гдѣ увѣдомляетъ ее о своемъ рѣшеніи и потомъ, стряхнувъ съ себя всѣ душевныя тягости, какъ ни въ чемъ не бывало, принимается за дѣла. Все это изложено въ слѣдующей главѣ, XIV-й, гдѣ отмѣтимъ нѣкоторыя черты, представляющіяся намъ психологически невѣрными.

*) Значить, раньше онъ о ней все-таки думалъ, вопреки утвержденіямъ главы XXVI-й II-й части.

Покончивъ съ письмомъ, Каренинъ сперва, по заведенному порядку, принялся было за чтеніе книги объ евгубическихъ надписяхъ. Но тутъ взглядъ его упалъ на портретъ Анны, висѣвшій надъ кресломъ. „Поглядѣвъ на портретъ съ минуту, Алексѣй Александровичъ вздрогнулъ такъ, что губы затряслись и произвели звукъ „брр“; и отвернулся. Онъ попробовалъ читать, но онъ смотрѣлъ въ книгу и думалъ о другомъ“. О чемъ? О женѣ, объ ея измѣнѣ, о своемъ положеніи, о своемъ горѣ? Ничуть не бывало: „онъ думалъ не о женѣ, но объ одномъ возникшемъ въ послѣднее время усложненіи въ его государственной дѣятельности, которое въ это время составляло главный интересъ его службы. Онъ чувствовалъ, что онъ глубже, чѣмъ когда-нибудь, вникалъ теперь въ это усложненіе, и что въ головѣ его нарождалась—онъ безъ самообольщенія могъ сказать—капитальная мысль, должествующая распутать все это дѣло...“—И вотъ онъ „погружается въ чтеніе вытребованнаго имъ сложнаго дѣла, относящагося до предстоящаго усложненія“. Слѣдуетъ изложеніе самого дѣла, очень злое... Каренинъ весь ушелъ въ захватывающіе интересы служебной игры,—онъ нашелъ свой ходъ и уже видитъ свое торжество,—онъ даетъ противникамъ шахъ и матъ... „Краска оживленія покрыла лицо Алексѣя Александровича, когда онъ быстро писалъ себѣ конспектъ этихъ мыслей“. Покончивъ съ этимъ, онъ, по заведенной привычкѣ, почиталъ книгу; потомъ легъ спать и когда, „лежа въ постели, вспомнилъ о событіи съ женою, оно ему представилось уже совсѣмъ не въ такомъ мрачномъ видѣ“. Все это — психологически неправдоподобно, въ той хронологической послѣдовательности, въ какой это представлено. Каренинъ, какъ мы его до сихъ поръ знаемъ, а еще лучше узнаемъ изъ дальнѣйшаго, вовсе не такой деревянный или не такой легкомысленно-жизнерадостный человѣкъ, чтобы онъ могъ такъ скоро и такъ легко сбросить съ души всю тяготу чувствъ обманутаго мужа, все горе разрушенной семейной жизни и беззаботно предаться излюбленной игрѣ. Эта игра могла бы дѣйствительно его утѣшить впослѣдствіи, но въ данное время, ошеломленный страшнымъ ударомъ, онъ, конечно, не былъ въ силахъ вести игру, да еще вникать въ головоломное „дѣло“ „глубже, чѣмъ когда-нибудь“.

IV.

Въ дальнѣйшихъ сценахъ (объясненіе съ Анной въ гл. XXIII-ей той же III-ей части, другое объясненіе въ IV-ой главѣ IV-ой части и сцена у адвоката въ слѣдующей главѣ, V-й) душевное состояніе Каренина представлено въ слѣдующемъ видѣ.

Чувство ревности, конечно, не могло исчезнуть потому только, что было найдено „рѣшеніе“ вопроса, тѣмъ болѣе, что это рѣшеніе было лишь кажущимся. Въ сущности вопросъ оставался открытымъ. Мало того: онъ даже еще больше запутался вслѣдствіе нерѣшительности Анны, потерявшей голову больше всѣхъ; а вскорѣ обнаружилось и другое осложненіе—беременность. Все это вновь расшевелило въ Каренинѣ муки ревности. Имъ овладѣло и, можно сказать, ослѣпило его дикое чувство злобы, когда онъ замѣтилъ, что Анна продолжаетъ видаться съ Вронскимъ, когда, далѣе, онъ однажды встрѣтилъ послѣдняго въ своемъ домѣ, наконецъ, когда Анна призналась ему, что ей предстоитъ родить. Это чувство дикаго озлобленія заставляетъ Каренина, всегда столь тактичнаго и корректнаго, говорить Аннѣ слова слишкомъ грубыя, потомъ разыграть слишкомъ дикую сцену, гдѣ онъ отнимаетъ у Анны портфель съ ея перепискою. Все это въ порядкѣ вещей, разъ дано то извращеніе человѣческой натуры и то умопомраченіе, которыя неизбѣжно являются слѣдствіемъ ревности, чувствъ обманутаго, оскорбленнаго мужа. Намъ только кажется, что въ сценѣ съ портфелемъ Каренинъ слишкомъ ужъ вульгаренъ и грубо-золь. Въ связи съ этимъ, въ гл. VIII-ой (IV-ой части) намъ представляется излишнимъ его письмо къ адвокату съ *приложеніемъ трехъ записокъ Вронскаго къ Аннѣ* и равно замѣчаніе Толстого, что „Каренинъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ перевелъ это дѣло жизни въ дѣло бумажное, все болѣе и болѣе привыкалъ къ своему намѣренію (развестись съ женой) и видѣлъ теперь ясно возможность его исполненія“. Самая мысль о разводѣ, которую раньше онъ такъ рѣшительно отвергъ, явилась теперь какъ результатъ все того же озлобленія и желанія отмстить. На это указано въ главѣ IV-ой (IV-ой части). Большую роль играла тутъ, весьма естественная въ данномъ случаѣ, неразумная подозрительность обманутаго мужа: Каренинъ забралъ себѣ въ голову, будто Анна и Вронскій замышляютъ нѣкій комplotъ противъ него, будто Анна ничего лучшаго и не желаетъ, какъ пользоваться по-прежнему положеніемъ жены сановника и продолжать обманывать его. На эту подозрительность Каренина указано и въ дальнѣйшемъ. Повторяю, все это въ порядкѣ вещей, но только переходъ къ такому крайнему озлобленію послѣ того относительнаго успокоенія, о которомъ была рѣчь выше, намъ представляется нѣсколько искусственнымъ. Какъ бы то ни было, но въ общемъ развитіи психологіи Каренина это чувство озлобленія безусловно-необходимо: безъ этого мотива была бы психологически невозможна та реакція, то обратное душевное движеніе въ сторону прощенія и самоотверженія, которое возникло

въ Каренинѣ у постели умирающей Анны. И вотъ Толстой въ рядѣ сценъ рисуетъ намъ все усиливающийся процессъ ожесточенія, очерствѣнія души Каренина, доходящаго до глухой ненависти къ Аннѣ, до желанія смерти ея (гл. XVII-ая IV-ой части). Душевная реакція противъ этого ожесточенія, необычайная сила которой объясняется исключительностью обстоятельствъ и обстановки, въ существѣ дѣла, была вызвана естественнымъ протестомъ самой натуры Каренина, натуры доброй, деликатной, жалостливой и чувствительной. Здѣсь нужно вспомнить одно мѣсто въ главѣ XIII-ой (III-ей части), которое мы, разбирая эту главу, пропустили, потому что не знали, что дѣлать съ нимъ при анализѣ душевнаго состоянія Каренина, изображеннаго въ указанной главѣ. Это мѣсто гласитъ: „Никто, кромѣ самыхъ близкихъ людей къ Алексѣю Александровичу, не зналъ, что этотъ съ виду самый холодный и разсудительный человѣкъ имѣлъ одну, противорѣчившую общему складу его характера, слабость: Алексѣй Александровичъ не могъ равнодушно слышать и видѣть слезы ребенка или женщины. Видъ слезъ приводилъ его въ растерянное состояніе, и онъ терялъ совершенно способность соображенія...“ Толстой утилизируетъ эту черту, въ той же главѣ, только для поясненія того, какъ реагировалъ Каренинъ на признаніе Анны. Когда она, „закрывъ лицо руками, заплакала, Алексѣй Александровичъ, несмотря на вызванную въ немъ злобу къ ней, почувствовалъ въ то же время приливъ того душевнаго разстройства, которое на него всегда производили слезы“. Чтобы не поддаться этому разстройству, которое не соотвѣтствовало бы положенію, „онъ старался удержать въ себѣ всякое проявленіе жизни и потому не шевелился и не смотрѣлъ на нее (на Анну). Отъ этого-то и происходило то странное выраженіе мертвенности на его лицѣ, которое такъ поразило Анну“. Вотъ и все. Для послѣдующихъ сценъ эта черта не нужна, и Толстой о ней не вспоминаетъ вплоть до тѣхъ главъ, гдѣ изображено обратное движеніе чувствъ Каренина отъ злобы и ожесточенія къ состраданію, душевному размягченію и прощенію, т. е. до главъ XVII-ой, XIX-ой и XX-ой IV-ой части. Здѣсь эта черта опять выплываетъ, здѣсь она нужна, но при этомъ мы, вспоминая ея формулировку въ главѣ XIII-ой (III-ей части), чувствуемъ нѣкоторую неудовлетворенность этой формулировкой. На основаніи послѣдней можно подумать, что это просто та внѣшняя чувствительность, которая нисколько не свидѣтельствуетъ о настоящей добротѣ души, о подлинной сострадательности. Да вѣдь такъ и представлена эта черта въ указанномъ мѣстѣ—какъ „слабость“, къ тому же противорѣчащая „общему складу характера“ Каренина. А вотъ те-

перь оказывается, что Каренинъ въ самомъ дѣлѣ, по основному складу своей натуры,—человѣкъ весьма способный къ глубокому сочувствію, къ истинному состраданію...

Вызванный (изъ Москвы) телеграммою Анны, гласившею: „Умираю, прошу, умоляю пріѣхать, умру съ прощеніемъ спокойнѣе“, Каренинъ пріѣхалъ въ Петербургъ съ тѣмъ взволнованнымъ и страннымъ настроеніемъ, въ которомъ сквозь злыя чувства недовѣрія (онъ заподозрилъ обманъ или какую-то уловку) подозрительности, ожесточенія пробивалось новое чувство какого-то облегченія, какой-то неясной надежды. Это чувство внушалось возможностью смерти Анны, въ силу чего открывался бы неожиданный и наилучшій для него выходъ изъ тяжелаго положенія. Онъ желалъ смерти Анны, но (и въ этомъ сказывается первый протестъ его доброй души) не хотѣлъ, не смѣлъ, стыдился признаться въ этомъ самому себѣ. Давленіе злыхъ чувствъ достигло высшаго предѣла, когда онъ убѣдился, что въ самомъ дѣлѣ Анна при смерти, и близокъ часъ его освобожденія. Гордіевъ узелъ запутаннаго положенія будетъ разрубленъ смертью виновнаго лица,—и все разрѣшится, его жизнь войдетъ въ нормальную колею...

Въ такомъ замораживающемъ душу, замкнуто-эгоистическомъ настроеніи подходилъ Каренинъ къ дверямъ комнаты, гдѣ умирала Анна. Здѣсь онъ увидѣлъ убитаго горемъ и стыдомъ, плачущаго Вронскаго. И онъ сейчасъ же ощутилъ „приливъ того душевнаго разстройства, которое производилъ въ немъ видъ страданій другихъ людей...“ *) Когда онъ вошелъ въ комнату Анны, когда онъ ее увидѣлъ и услышалъ ея быструю, отчетливую бредовую рѣчь,—онъ уже не могъ бороться съ охватившимъ его „душевнымъ разстройствомъ“. И вотъ тутъ-то онъ „вдругъ почувствовалъ, что то, что онъ считалъ душевнымъ разстройствомъ, было, напротивъ, блаженное состояніе души, давшее ему вдругъ новое, никогда не испытанное имъ счастье...“ Теперь уже не было гнета холодно-эгоистическихъ чувствъ, которыя замораживали его душу; они исчезли, и „радостное чувство любви и прощенія къ врагамъ наполняло его душу...“

Такое душевное умиленіе можетъ, конечно, посѣтить всякаго, даже очень черстваго человѣка, при исключительныхъ обстоятельствахъ, при потрясающей обстановкѣ, какъ въ данномъ случаѣ, но по большей части это—минутный подъемъ духа, за которымъ

*) Вотъ уже маленькая поправка къ вышеприведенному мѣсту главы XIII-ой (III-ей ч.), гдѣ говорится только о дѣйствіи на Каренина слезъ ребенка или женщины.

неизбѣжно слѣдуетъ пониженіе, когда ужъ не будетъ исключительной обстановки, и жизнь войдетъ въ обычную норму. Но у Каренина это высокое и рѣдкое просвѣтлѣніе души оказалось гораздо сильнѣе и устойчивѣе. Онъ умилился, пожалѣлъ и простилъ не только въ эту минуту, — онъ дѣйствительно отбросилъ ярмо эгоистическихъ чувствъ и всецѣло отдался во власть состраданія и самоотверженнаго прощенія. И онъ не лгалъ, не превеличивалъ, когда говорилъ Вронскому: „... Я увидѣлъ ее и простилъ. И счастье прощенія открыло мнѣ мою обязанность. Я простилъ совершенно...“—Вронскій „не понималъ чувствъ Алексѣя Александровича. Но онъ чувствовалъ, что это было *что-то высшее и даже недоступное ему въ его міровоззрѣніи*“. — Итакъ, это не былъ мимолетный порывъ, преходящее слѣдствіе слабости нервовъ, внушеніе той чувствительности Каренина, о которой была рѣчь выше. Радикальное измѣненіе всего настроенія и чувствъ Каренина вытекало изъ основъ его душевной организаціи, въ которой лежали нетронутыми, не упражняемыми, но и не заглушенными сокровища добрыхъ, сострадательныхъ, великодушныхъ чувствъ. Дальнѣйшее, какъ извѣстно, подтверждаетъ этотъ взглядъ. Въ главѣ XIX-ой читаемъ, что Каренинъ „до этого дня свиданія съ умирающею женою не зналъ своего сердца. Онъ у постели больной жены въ первый разъ отдался тому чувству умиленнаго состраданія, которое въ немъ вызывали страданія другихъ людей, и котораго онъ прежде стыдился, какъ вредной слабости; и жалость къ ней, и раскаяніе въ томъ, что онъ желалъ ея смерти, и, главное, самая радость прощенія сдѣлали то, что онъ вдругъ почувствовалъ *не только утоленіе своихъ страданій, но и душевное спокойствіе, которыхъ онъ никогда прежде не испытывалъ*“. И далѣе мы узнаемъ, что онъ простилъ и Вронскому, что онъ и его пожалѣлъ, а „къ новорожденной дѣвочкѣ (дочери Вронскаго) онъ испытывалъ какое-то особенное чувство—не только жалости, но и нѣжности“. Слѣдуетъ (въ той же главѣ XIX-ой) описаніе его заботъ и хлопотъ о малюткѣ.

Читая эти страницы, изображающія душевную переменъ, происшедшую въ Каренинѣ, мы не можемъ отдѣлаться отъ чего-то такого, что мѣшаетъ намъ прочувствовать ее надлежащимъ образомъ, откликнуться собственными душевными движеніями на душевныя движенія Каренина. Толстой, въ отношеніи другихъ лицъ, зачастую заставляетъ насъ откликаться, какъ, напр., въ сценѣ свиданія Анны съ сыномъ или въ сценѣ объясненія Левина и Кити у Облонскихъ. Но здѣсь, въ указанныхъ главахъ (XVII-й, XIX-й и XX-й IV-й части), мы только присутствуемъ и

слушаемъ, что говорить намъ авторъ, слѣдимъ съ заинтересованнымъ вниманіемъ за его рассказомъ и анализомъ, но въ это время въ нашей душѣ не обнаруживается достаточно явственнаго отклика и трепетанія созвучныхъ струнъ. А между тѣмъ мы чувствуемъ, что выборъ душевныхъ мотивовъ сдѣланъ весьма удачно, что ихъ психологическая послѣдовательность—отъ ожесточенія къ умиленію и прощенію—глубоко вѣрна. Мало того: намъ нравится то, что новое настроеніе Каренина оказывается не минутнымъ, что оно глубоко захватило его душу. Мы хорошо понимаемъ мысль Толстого, что если это настроеніе и не удержалось потомъ, то въ томъ виноваты сила вещей, вліяніе среды, вмѣшательство постороннихъ лицъ. Это развито въ рядѣ сценъ съ Анною, княгинею Тверскою, графинею Лидіей Ивановной, Облонскимъ. Все это мы понимаемъ и всему этому сочувствуемъ, но остаемся относительно-холодными и не находимъ въ себѣ непроизвольнаго, внезапнаго душевнаго отклика. Почему это такъ?

Мнѣ кажется, тщетно будемъ мы искать во всѣхъ этихъ мѣстахъ романа, написанныхъ съ обычнымъ мастерствомъ, какого-либо изъяна въ рисунокѣ, расхолаживающихъ длиннотъ, недочетовъ въ психологическомъ анализѣ (они были въ предшествующихъ, вышерассмотрѣнныхъ главахъ). Единственную причину, почему мы остаемся относительно-холодны и безучастны, нужно искать въ общемъ замыслѣ и во всемъ построеніи фигуры Каренина,—въ томъ, что онъ вышелъ не законченнымъ художественнымъ типомъ, а, въ значительной мѣрѣ, апріорнымъ и искусственнымъ созданіемъ беллетристики. Мы видимъ, какъ Толстой его строить, какъ собираетъ его изъ различныхъ чертъ,—и не можемъ заставить себя относиться къ нему, какъ къ живому человѣку. Мы не можемъ отдѣлаться отъ впечатлѣнія, что образъ Каренина—только предлогъ показать всю тщету той жизни и дѣятельности, представителемъ которой онъ является. Того, что называется художественною правдою, въ Каренинѣ весьма немного; гораздо больше дано въ немъ того, что можно назвать беллетристическимъ правдоподобіемъ. Но это правдоподобіе только мѣшаетъ художественной правдѣ быть полной и захватывающей.

V.

Съ большимъ правдоподобіемъ, кромѣ нѣкоторыхъ пунктовъ, построены дальнѣйшіе моменты въ исторіи Каренина.

Это, во-первыхъ, растерянность и упадокъ душевныхъ силъ Каренина, послѣ того какъ онъ убѣдился, что новая жизнь, основанная на прощеніи и самоотверженіи, рушилась подобно преж-

ней. Онъ увидалъ, что не можетъ вернуть любовь жены, что Анна по-прежнему тяготится его присутствіемъ, и жизнь въ его домѣ для нея невыносимо тяжела. Этотъ моментъ описанъ въ началѣ главы XXI-ой V-ой части. Когда, наконецъ, Анна покинула его домъ, онъ, оставшись одинокимъ, „въ первый разъ понялъ ясно свое положеніе и ужаснулся ему“ (ib.) То, что происходило въ его душѣ въ это время, указано слѣдующими словами (той же главы): „Онъ не могъ теперь никакъ примирить свое недавнее прощеніе, свое умиленіе, свою любовь къ больной женѣ и чужому ребенку съ тѣмъ, что теперь было, т. е. съ тѣмъ, что, какъ бы въ награду за все это, онъ теперь очутился одинъ, опозоренный, осмѣянный, никому не нужный и всѣми презираемый“.

Второй моментъ, это—вліяніе графини Лидіи Ивановны и постепенное обращеніе Каренина къ мистическому ученію, которое раньше онъ не одобрялъ. Это мотивировано полнымъ одиночествомъ Каренина, тѣмъ, что онъ ни въ чемъ не находитъ нравственной поддержки. Онъ нашелъ теперь такую поддержку въ искренно-расположенной къ нему и платонически-влюбленной въ него графинѣ, убѣжденной послѣдовательницѣ великосвѣтской секты, учившей, что обладающій полнотой вѣры не можетъ уже грѣшнить и „испытываетъ здѣсь, на землѣ, уже полное спасеніе“ (гл. XXII-ая V-ой части). Несмотря на беллетристическое правдоподобіе, съ какимъ все это проведено, намъ все-таки нѣсколько трудно представить себѣ Каренина, какъ мы его до сихъ поръ знали, адептомъ этого мистическаго ученія. Не всякій можетъ, даже при обстоятельствахъ, наиболѣе предрасполагающихъ къ тому, сдѣлаться въ одинъ прекрасный день мистикомъ, увѣровать въ мнимое „спасеніе“ и въ ясновидѣніе такихъ очевидныхъ шарлатановъ, какъ Landau. Для этого нужно имѣть извѣстныя предрасположенія въ складѣ ума, въ организаціи чувствующей сферы, каковыхъ, очевидно, у Каренина вовсе не было. Повидимому, самъ Толстой сознавалъ или чувствовалъ, что, помимо всѣхъ мотивовъ и вліяній, какіе могли направить Каренина въ сторону мистицизма, необходимо указать въ самомъ складѣ его ума такую особенность, которая давала бы дѣлу болѣе прочное психологическое обоснованіе. Оттуда слѣдующее соображеніе, которое нельзя признать удачнымъ: „Алексѣй Александровичъ (а равно и Лидія Ивановна, и другіе мистики)... былъ вовсе лишенъ глубины воображенія, той душевной способности, благодаря которой представленія, вызываемыя воображеніемъ, становятся такъ дѣйствительны, что требуютъ соотвѣтствія съ другими представленіями и съ дѣйствительностью. Онъ не видѣлъ ничего невозможнаго и несообраз-

наго въ представленіи о томъ, что смерть, существующая для невѣрующихъ, для него не существуетъ, и что, такъ какъ онъ обладаетъ полнѣйшею вѣрою, судьей мѣры которой онъ самъ, то и грѣха уже нѣтъ въ его душѣ, и онъ испытываетъ здѣсь, на землѣ, уже полное спасеніе“ (гл. XXII). Недостатокъ, который Толстой называетъ здѣсь отсутствіемъ глубины воображенія, правильнѣе было бы назвать недостаткомъ или непослѣдовательностью логическаго мышленія. Такую непослѣдовательность, вызываемую, напр., воздѣйствіемъ сильнаго чувства на мысль, могутъ проявлять и умы, отличающіеся большою глубиною воображенія, большой яркостью представленій. Но какъ бы мы ни назвали этотъ недостатокъ мышленія, — отсутствіемъ ли глубины воображенія, или непослѣдовательностью логики, — во всякомъ случаѣ этотъ недостатокъ для даннаго вопроса (о мистицизмѣ Каренина) существеннаго значенія не имѣетъ. Каренинъ, не будучи нисколько предрасположенъ къ мистицизму по самой натурѣ своей, могъ, хотя бы временно, примкнуть къ мистической сектѣ въ силу *той перемѣны*, какая должна была произойти, при данныхъ обстоятельствахъ, въ складѣ его религіозности. Алексѣй Александровичъ, съ его положительнымъ и суховатымъ умомъ дѣловаго человѣка, до сихъ поръ держался строгой ортодоксальности и смотрѣлъ на религію исключительно съ государственной точки зрѣнія. На это указано въ той же главѣ XXII-ой, и это очень для него типично. Всякія уклоненія отъ догмы, всякія „новыя толкованія“ онъ считалъ вредными уже потому, что это „открывало двери спору и анализу“. И съ тѣмъ вмѣстѣ, онъ, человѣкъ несомнѣнно религіозный, не вѣдалъ религіи „сердца“, религіозности, какъ дѣла совѣсти и какъ вопроса интимныхъ, душевныхъ потребностей человѣка. Онъ и не нуждался въ ней. Но теперь насталъ моментъ, когда въ немъ живо сказала потребность имѣть *такую* религію. Въ подобныхъ случаяхъ зачастую наблюдается, что люди, ощутившіе эту потребность, склонны искать удовлетворенія ей не въ тѣхъ формахъ религіозности, въ которыхъ они выросли и съ которыми сроднились, а въ какихъ-нибудь другихъ, какія представляются имъ наиболѣе говорящими ихъ настроенію. Каренинъ, конечно, не могъ бы перейти, напр., въ католицизмъ, но онъ могъ сдѣлать попытку найти религіозное утѣшеніе въ какомъ-нибудь новомъ ученіи, имѣющемъ уже своихъ адептовъ въ высшемъ обществѣ и не считающемся зловреднымъ. И, конечно, всего проще было ему примкнуть къ тому модному ученію, восторженной послѣдовательницею котораго была графиня Лидія Ивановна, единственный человѣкъ, принимавшій искреннее участіе въ его горѣ. Но это было бы еще по-

нѣтъ и возможнѣе въ томъ случаѣ, если бы Каренинъ хорошо сознавалъ, что его карьера, какъ государственнаго человѣка, кончена, и ему предстоитъ остаться не у дѣль. Въ главѣ XXIV-ой (той же V-ой части) Толстой говоритъ, что „почти въ одно и то же время, какъ ушла жена отъ Алексѣя Александровича, съ нимъ случилось и самое горькое для служащаго человѣка событіе—прекращеніе восходящаго служебнаго движенія“. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, Толстой заставляетъ Каренина *не сознавать этого* и воображать, что, напротивъ, теперь, болѣе чѣмъ когда-либо, онъ нуженъ и его дѣятельность цѣнится еще болѣе прежняго. Въ дѣйствительности же, какъ говоритъ Толстой, онъ уже „былъ, человѣкомъ, который весь вышелъ, и отъ котораго ничего болѣе не ждуть“. Находясь въ такомъ — странномъ для опытнаго и искушеннаго въ дѣлахъ и служебныхъ отношеніяхъ сановника—заблужденіи, впрочемъ, отчасти объясняемомъ общимъ упадкомъ его душевныхъ силъ, Каренинъ принимается за писаніе многочисленныхъ докладныхъ записокъ „по всѣмъ отраслямъ управленія“. Онъ придаетъ этому занятію огромное значеніе, и, если это такъ, то мы ожидали бы, что онъ скорѣе здѣсь, чѣмъ въ мистицизмъ, найдетъ искомое утѣшеніе и прибѣжище. „Алексѣй Александровичъ (читаемъ въ той же главѣ XXIV-й) не только не замѣчалъ своего безнадежнаго положенія въ служебномъ мірѣ и не только не огорчался имъ, *но больше, чѣмъ когда-нибудь, былъ доволенъ своей дѣятельностью*“. Если примемъ это, то обращеніе Каренина къ мистицизму представится намъ излишнимъ, психологически ненужнымъ. Передъ нами два исхода, изъ которыхъ одинъ, скажемъ, не исключаетъ другого, но дѣлаетъ его ненужнымъ, подрываетъ его значеніе. Мы затрудняемся отдать предпочтеніе одному передъ другимъ: каждый изъ нихъ (принимая въ соображеніе натуру Каренина, насколько мы ее понимаемъ) представляетъ свои неудобства, на которыя мы и указали выше.

VI.

Творчество Толстого, какъ это достаточно извѣстно, рѣзко отмѣчено (даже въ сравненіи съ творчествомъ другихъ нашихъ великихъ художниковъ) *глубиною* и *ясностью* психологическаго изслѣдованія натуръ и характеровъ. Но въ этомъ отношеніи образъ Каренина представляется исключеніемъ. Онъ вызываетъ сомнѣнія и недоразумѣнія.

Задуманный типъ русскаго государственнаго человѣка не удался Толстому: натура и весь духовный складъ бюрократа настолько чужды Толстому, что онъ не могъ иначе отнестись къ

нимъ, какъ сатирически. Но нашъ великій художникъ—по существу своего генія—не сатирикъ,—и изъ Каренина не вышелъ *настоящій* сатирическій образъ. Этому противорѣчило также и столь характерное для Толстого, какъ художника, стремленіе въ создаваемомъ образѣ *найти, пожалѣть и полюбить* человѣка. И вотъ онъ открываетъ въ Каренинѣ цѣлое сокровище высокихъ душевныхъ задатковъ и заставляетъ его проявлять чувства столь чистыя, столь самоотверженныя и прекрасныя, къ какимъ, повидимому, неспособно никакое другое лицо романа. И при всемъ томъ и самъ художникъ, и мы, вслѣдъ за нимъ, остаемся холодны къ Каренину. И онъ, и мы только дѣлаемъ бесплодныя усилія пожалѣть, полюбить, оцѣнить его.

Искусство *ищетъ* человѣка. И если въ построеніи Каренина есть элементы художественности, то они заключены здѣсь именно, въ этомъ *исканіи* человѣка въ *Каренинѣ*. Читая романъ, мы чувствуемъ, что тутъ происходятъ эти поиски. Но задача художника не только искать человѣка, но и найти его. Въ образѣ Каренина человѣкъ художественно не найденъ.

Д. Овсянко-Куликовскій.

